

Бертран
РАССЕЛ

История
западной
философии

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Бертран Рассел

История западной философии

«Издательство АСТ»

1946

УДК 173
ББК 87.7

Рассел Б.

История западной философии / Б. Рассел — «Издательство АСТ», 1946 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-098388-9

Бертран Рассел (1872–1970) – лауреат Нобелевской премии по литературе, математик, общественный деятель и один из величайших философов XX века, автор знаменитых работ «Проблемы философии», «Человеческое познание: его сфера и границы», «Азбука относительности», «Брак и мораль» и «История западной философии». «История западной философии» – самый известный, фундаментальный труд Б. Рассела. В нем он прослеживает развитие философских взглядов от возникновения греческой цивилизации и до 20-х годов двадцатого столетия.

УДК 173

ББК 87.7

ISBN 978-5-17-098388-9

© Рассел Б., 1946

© Издательство АСТ, 1946

Содержание

Книга первая. Древняя философия	6
Предисловие	6
Введение	8
Часть первая. Досократики	15
Глава I. Возникновение греческой цивилизации	15
Глава II. Милетская школа	29
Глава III. Пифагор	32
Глава IV. Гераклит	38
Глава V. Парменид	46
Глава VI. Эмпедокл	49
Глава VII. Афины в отношении к культуре	53
Глава VIII. Анаксагор	55
Глава IX. Атомисты	57
Глава X. Протагор	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Бертран Рассел

История западной философии

© Bertrand Russell, 1945

© Перевод (глава «Карл Маркс»). В. В. Целищев, 2016

© AST Publishers, 2016

* * *

Книга первая. Древняя философия

Предисловие

Чтобы эта книга могла избежать более суровой критики, чем та, которую она, несомненно, заслуживает, необходимо сказать несколько слов в качестве извинения и объяснения.

Извинения необходимо принести специалистам по тем или иным философским школам или отдельным философам. За исключением, возможно, одного лишь Лейбница, любой из тех философов, которых я рассматриваю в данной книге, некоторым другим специалистам известен гораздо лучше, чем мне. Если, однако, книги, охватывающие весьма широкие области знания, должны все-таки писаться, то неизбежно, поскольку мы не бессмертны, что те, кто сочиняет подобные книги, должны затрачивать меньше времени на любую их часть, чем, может быть, затрачивается авторами, которые сосредоточивают основное свое внимание на отдельной личности или каком-либо коротком периоде времени. Некоторые, чья ученая строгость непреклонна, сделают заключение, что книги, охватывающие весьма широкие области, вообще не должны писаться или, если они все же пишутся, то их следует составлять из монографий большого числа авторов. Однако сотрудничество многих авторов связано с известными изъянами в изложении истории философии. Если имеется какое-либо единство в развитии истории, если существует внутренняя связь между тем, что было раньше, и тем, что имело место позже, то для изложения этого совершенно необходимо, чтобы ранний и поздний периоды были синтезированы одним ученым. Человеку, изучающему Руссо, будет, по-видимому, трудно отдать должное той связи, которая существует у Руссо со Спартой Платона и Плутарха, историк же Спарты не мог пророчески предвидеть Гоббса, Фихте или Ленина. Выявление таких связей и представляет собой одну из целей, стоящих перед автором настоящей книги. Поставленная цель может быть достигнута только в обширном обзоре.

Написано много историй философии, но ни одна из них, насколько мне известно, не преследовала такой цели, какую я выдвигаю перед собой. Философы являются одновременно и следствиями и причинами – следствиями социальных обстоятельств, политики и институтов того времени, к которому они принадлежат, и причинами (в случае, если те или иные философы удачливы) убеждений, определяющих политику и институты последующих веков. В большинстве историй философии каждый мыслитель действует как бы в пустоте; его взгляды излагаются изолированно, исключая, самое большее, связь их с воззрениями более ранних философов. Я же со своей стороны каждого философа пытаюсь рассматривать (насколько это возможно сделать, не отходя от истины) в качестве продукта окружающей его среды, то есть как человека, в котором выкристаллизовались и сконцентрировались мысли и чувства, свойственные обществу, частью которого он является.

Это привело к тому, что в книгу включены некоторые главы, относящиеся к чисто социальной истории. Никто не сможет понять стоиков и эпикурейцев без определенного знания эпохи эллинизма или схоластов без хотя бы беглого анализа истории развития церкви с V по XIII столетие. Поэтому я коротко излагаю те моменты основных направлений исторического развития, которые, по моему мнению, оказали наибольшее влияние на философскую мысль, и с возможной полнотой освещаю, может быть, незнакомые некоторым читателям периоды истории; это касается, например, раннего Средневековья. Но из этих исторических глав я строжайшим образом выбрасываю все, что имело небольшое отношение или вовсе не имело никакого отношения к философии данного или последующего периода.

Проблема отбора материала для такой книги, как эта, порождает весьма большие трудности. Лишенная подробностей, книга становится сухой и неинтересной, обилие же деталей

заключает в себе опасность сделать ее невыносимо длинной. Я стремился к компромиссу, исследуя воззрения только тех мыслителей, которые, на мой взгляд, имеют выдающееся значение, и упоминания в связи с ними о таких деталях (даже если они не являются определяющими), которые представляют ценность ввиду их иллюстративного и оживляющего характера.

Философия начиная с древнейших времен была не просто делом школ или споров между небольшими группами ученых людей. Она являлась неотъемлемой частью жизни общества, и как таковую я и старался ее рассматривать. Если предлагаемая книга обладает какими-либо достоинствами, то источником их является указанная точка зрения.

Своим существованием эта книга обязана д-ру Альберту С. Бэрнесу, будучи первоначально задумана и частично прочитана в виде лекций на основе фонда Бэрнеса в Пенсильвании.

Как и при написании большинства моих сочинений, начиная с 1932 года мне все время оказывалась большая помощь в исследовательской работе, а также во многих других отношениях моей женой Патрицией Рассел.

Бертран Рассел

Введение

Концепции жизни и мира, которые мы называем «философскими», являются продуктом двух факторов: один из них представляет собой унаследованные религиозные и этические концепции, другой – такого рода исследования, которые могут быть названы «научными», употребляя это слово в самом широком смысле. Отдельные философы сильно различаются между собой в зависимости от пропорции, в какой эти два фактора входили в их систему, но наличие обоих является в определенной степени тем, что характеризует философию.

«Философия» – слово, которое употреблялось во многих смыслах, более или менее широких или узких. Я предлагаю употреблять это слово в самом широком смысле, который и попытаюсь теперь объяснить.

Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она призывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *определенное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия. Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух материи, или он обладает независимыми силами? Имеет ли Вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли Вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы, или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному, – крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащимся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А может быть, он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы его можем достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой, – просто максимально рафинированная глупость? На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории. Теологи претендовали на то, чтобы дать на эти вопросы ответы и притом весьма определенные, но самая определенность их ответов заставляет современные умы относиться к ним с подозрением. Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них, – дело философии.

К чему тогда, можете вы спросить, тратить время на подобные неразрешимые вопросы? На это можно ответить и с точки зрения историка, и с точки зрения личности, стоящей перед ужасом космического одиночества.

Ответ историка, постольку, поскольку я способен его предложить, будет дан на протяжении этой работы. С того времени как люди стали способны к свободному размышлению, их действия в бесчисленных важных аспектах оказались в зависимости от их теорий относительно природы мира и человеческой жизни и от теорий о том, что такое добро и что такое зло. Это так же верно относительно настоящего времени, как и относительно прошлого. Чтобы понять эпоху или нацию, мы должны понять ее философию, а чтобы понять ее философию, мы должны сами в некоторой степени быть философами. Здесь налицо взаимная обусловлен-

ность: обстоятельства жизни людей во многом определяют их философию, но и наоборот, их философия во многом определяет эти обстоятельства. Это взаимодействие, имевшее место в течение веков, будет предметом последующего изложения.

Есть, однако, и более личностный ответ. Наука говорит нам, что мы способны познавать, но то, что мы способны познавать, ограничено, и если мы забудем, как много лежит за этими границами, то утратим восприимчивость ко многим очень важным вещам. Теология, с другой стороны, вводит догматическую веру в то, что мы обладаем знаниями там, где фактически мы невежественны, и тем самым порождает некоторого рода дерзкое неуважение к Вселенной. Неуверенность перед лицом живых надежд и страхов мучительна, но она должна сохраняться, если мы хотим жить без поддержки утешающих басен. Нехорошо и то и другое: забывать задаваемые философией вопросы и убеждать себя, что мы нашли бесспорные ответы на них. Учить тому, как жить без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью, – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею.

Философия как нечто отличное от теологии возникла в Греции в VI веке до н. э. Пережив свою историю в античную эпоху, она снова, в эпоху возникновения христианства и падения Рима, была поглощена теологией. В течение своего второго великого периода, от XI до XIV века, она испытывает господство католической церкви, если не говорить о немногих великих мятежниках, таких, как император Фридрих II (1195–1250). Этому периоду был положен конец тем хаосом, который достиг своего кульминационного пункта в эпоху Реформации. Третий период – начиная с XVII столетия и вплоть до нашего времени – в большей степени, чем какой-либо из предшествующих, находится под влиянием науки. Традиционные религиозные верования сохраняют свое значение, но чувствуется необходимость их оправдания и видоизменения всюду, где наука, по-видимому, требует этого. Немногие из философов этого периода являются ортодоксальными с католической точки зрения, в их теориях светское государство занимает более важное место, чем церковь.

Общественная связь и личная свобода, подобно религии и науке, находятся в состоянии конфликта или неустойчивого компромисса в течение всего этого периода. В Греции социальная связь обеспечивалась верностью по отношению к городу-государству; даже Аристотель, хотя в его время Александр сделал город-государство устаревшим явлением, не мог видеть какого-либо преимущества в другой политике. Степень, в какой индивидуальная свобода урезывалась долгом личности перед городом-государством, была весьма различна. В Спарте личность имела мало свободы, как это имеет место в современной Германии или России. Несмотря на эпизодические преследования, в Афинах в лучшие времена граждане обладали совершенно исключительной свободой от ограничений, налагаемых государством. Вплоть до Аристотеля в греческой мысли доминировало чувство глубокой религиозной и патриотической преданности городу-государству; ее этические системы были приспособлены к жизни *граждан* городов-государств и содержали в себе значительные политические элементы. Но концепции, соответствующие эпохе независимости греков, стали больше неприменимыми, как только греки оказались под властью сперва македонцев, а затем римлян. Это привело, во-первых, вследствие разрыва с традицией к утрате силы, а во-вторых, породило этику, более индивидуалистическую и менее общественную. Стоики рассматривали добродетельную жизнь скорее в плане отношения души к Богу, чем гражданина к государству. Таким образом, они расчищали путь христианству, которое первое время было, подобно стоицизму, аполитичным учением, поскольку в течение первых трех столетий приверженцы христианства не имели никакого влияния на правительство. В течение шести с половиной веков, начиная с Александра Великого и кончая Константином, общественная связь обеспечивалась вовсе не философией и не старинным чувством преданности, но силой, прежде всего силой армии, а затем гражданской администрации. Римские армии, римские дороги, римское право и римские чиновники сперва создали, а потом

охраняли мощное централизованное государство. Нельзя приписывать какую-либо роль римской философии в этом деле, потому что она не играла никакой роли.

На протяжении этого длительного периода греческие идеи, унаследованные от эпохи свободы, переживали процесс постепенного преобразования. Некоторые из старых идей, особенно те, которые мы должны рассматривать как специфически религиозные, выиграли сравнительно в своем значении; другие, более рационалистические, были отброшены в силу их несоответствия духу времени. Таким образом, поздние язычники видоизменяли греческую традицию, пока она не стала пригодной для слияния с христианским учением.

Христианство популяризировало важный взгляд, уже подразумевавшийся в учении стоиков, но чуждый общему духу античности: я имею в виду взгляд, согласно которому долг человека перед Богом является более настоящим, чем его долг перед государством¹. Взгляд, что «мы должны слушаться скорее Бога, чем Человека», как говорили Сократ и апостолы, пережил переход в веру Константина, потому что ранние христианские императоры были арианами или склонялись к арианизму. Когда же императоры стали ортодоксальными, этот взгляд канул в вечность. В Византийской империи он оставался в латентном состоянии, так же обстояло дело позднее и в Российской империи, которая заимствовала свое христианство из Константинополя². Но на Западе, где католические императоры были почти немедленно замещены (за исключением части Галлии) еретическими варварами-завоевателями, превосходство религиозного долга перед политическим сохранилось и в некоторой степени продолжает сохраняться в настоящее время.

Вторжение варваров на шесть веков положило конец существованию цивилизации в Западной Европе. Она еще теплилась в Ирландии, пока датчане не разрушили ее и там в IX веке, но прежде чем угаснуть совсем, она породила одну замечательную фигуру – Иоанна Скота Эриугену. В Восточной империи греческая цивилизация в неизменном состоянии, как в музее, просуществовала до падения Константинополя в 1453 году, но, кроме художественной традиции и юстиниановского кодекса римского права, Константинополь не дал миру ничего значительного.

В течение этого периода мрака, с конца V века до середины XI века, западноримский мир претерпел некоторые очень интересные изменения. Конфликт между долгом по отношению к Богу и по отношению к Государству, который принесло с собой христианство, принял форму конфликта между церковью и королем. Церковная юрисдикция папы распространилась на Италию, Францию и Испанию, Великобританию и Ирландию, Германию, Скандинавию и Польшу. Сначала за пределами Италии и Южной Франции контроль папы над епископами и аббатами был очень слаб, но со времени Григория VII (конец XI века) этот контроль стал реальным и действенным. С этого времени духовенство всей Западной Европы превратилось в единую организацию, направляемую из Рима и стремящуюся к власти умно и непреклонно. Духовенство обычно, вплоть до начала XIV столетия, одерживало победы в своих конфликтах со светскими властями. Конфликт между церковью и государством был не только конфликтом между церковниками и мирянами, он представлял собой также возрождение конфликта между средиземноморским миром и северными варварами. Единство церкви было повторением единства Римской империи: церковная служба велась на латинском языке, руководящие деятели церкви происходили по большей части из Италии, Испании или Южной Франции. Их образование после своего возрождения вновь стало классическим, их понятия о праве и правительстве были бы более понятны Марку Аврелию, чем современным им монархам. Церковь

¹ Этот взгляд был известен в более ранние времена: он высказывается, например, в «Антигоне» Софокла. Но до стоиков мало кто придерживался такого взгляда.

² Вот почему в современной России не считают, что нам следует повиноваться в первую очередь диалектическому материализму, а не Сталину.

в своем лице сочетала одновременно преемственность по отношению к прошлому и все наиболее цивилизованное в настоящем.

Светская власть, напротив, находилась в руках королей и баронов тевтонского происхождения, стремящихся сохранить все возможное из тех институтов, которые они принесли из лесов Германии. Абсолютная власть была чужда этим институтам, она казалась сильным завоевателям пустой и безжизненной законностью. Король должен был делить свою власть с феодальной аристократией, но все в равной степени считали, что им позволены время от времени взрывы страстей в форме войны, убийства, грабежа или насилия. Монархи могли раскаиваться, ибо они были искренне религиозными людьми, тем более что раскаяние было, в конце концов, само по себе только разновидностью страсти. Но церковь никогда не могла воспитать в них спокойной умеренности хорошего поведения, которого современный работодатель требует от своих служащих и обычно добивается его. Какая польза от завоевания мира, если они не могут пить, убивать и любить в соответствии со своим настроением? И почему это должны они со своими армиями гордых рыцарей подчиняться предписаниям книжников, давших обет безбрачия и лишенных вооруженной силы? Вопреки церковному неодобрению, они сохраняли дуэли, судебные поединки, организовывали турниры и развили куртуазную любовь; в ярости они даже убивали известных церковников.

Все вооруженные силы оставались на стороне королей, и тем не менее церковь побеждала. Церковь брала верх отчасти потому, что она обладала почти полной монополией на образование, а отчасти потому, что короли постоянно воевали друг с другом, но главным образом в силу того, что, за немногими исключениями, правители и народ были в равной степени глубоко убеждены, что церковь является всемогущей. Церковь могла решить, проведет ли тот или иной король вечность в раю или в аду, церковь могла освободить подданных от долга повиновения и тем самым вызвать восстание. Более того, церковь олицетворяла порядок в противоположность анархии и потому приобретала поддержку возникающего торгового класса. В Италии, в частности, последнее обстоятельство имело решающее значение.

Попытка тевтонцев сохранить хотя бы частичную независимость от церкви находила свое выражение не только в политике, но и в искусстве, романах, рыцарстве и войне. В интеллектуальном отношении эта попытка отразилась слабо, ибо образование находилось почти полностью в руках духовенства. Ходячая философия средневековья не является точным зеркалом своей эпохи, она отражает только то, что думала одна партия. Среди духовенства тем не менее, особенно среди францисканских монахов, были люди, в силу различных причин несогласные с папой. Кроме того, в Италии культура распространилась среди мирян на несколько столетий раньше, чем севернее Альп. Фридрих II, пытаясь основать новую религию, представлял в своем лице крайнюю антипапскую культуру, тогда как Фома Аквинский, родившийся в Неаполитанском королевстве, где правил Фридрих II, остается вплоть до наших дней классическим представителем философии папства. Пятьюдесятью годами позднее Данте достигает синтеза и дает единственное гармоничное изложение законченной средневековой системы идей.

После Данте, по различным политическим и духовным причинам, средневековый философский синтез распадается. Пока этот синтез сохранялся, он отличался своеобразной опрятностью и миниатюрной полнотой и законченностью. С чем бы ни сталкивалась эта система, она все приводила в точное соответствие со всем остальным содержанием своего весьма ограниченного мира. Но Великая Ересь, умиротворительное движение и папство эпохи Возрождения подготовили Реформацию, которая разрушила единство христианского мира и схоластическую теорию правления, имеющего своим центром папу. Новые познания о древности, а также о форме Земли породили в эпоху Возрождения в человеке чувство усталости от систем, которые должны были теперь восприниматься как духовная тюрьма. Астрономия Коперника поставила Землю и человека в более скромное положение по сравнению с тем, которое они занимали в системе Птолемея. Среди ученых стремление к собиранию новых фактов заняло место стрем-

ления рассуждать, анализировать и систематизировать. Хотя в области искусства Возрождение все еще придерживается строгого порядка, в мышлении оно предпочитает большой и плодотворный беспорядок. В этом отношении Монтень – наиболее типичный представитель своей эпохи.

В политической теории, как и везде, за исключением искусства, порядок был нарушен. В течение Средних веков, на практике столь беспокойных и бурных, в области мысли господствовали страсть к законности и наиболее строгая теория политической власти. В конечном счете всякая власть исходит от Бога. В священных делах он уполномочил к власти папу, а в светских – императора. Но и папа и император утратили свое значение в течение XV столетия. Папа стал просто одним из итальянских князей, вовлеченным в невероятно сложную и неразборчивую в средствах итальянскую политическую игру. Новые национальные монархии во Франции, Испании и Англии обладали на своей территории властью, которой ни папа, ни император не могли оспаривать. Национальное Государство приобрело, особенно благодаря пороку, влияние на чувства и мысли людей, которого раньше оно не имело и которое постепенно разрушило все, что оставалось от римской веры в единство цивилизации.

Этот политический беспорядок нашел свое выражение в макиавеллевском «Князе». При отсутствии какого-либо ведущего принципа политика становится неприкрытой борьбой за власть. В «Князе» дается тонкий совет, как надо успешно вести такую игру. То, что случилось в великую эпоху Греции, произошло снова в Италии эпохи Возрождения: традиционные моральные ограничения исчезли, потому что в них увидели связь с предрассудком; освобождение от пут возбудило в людях энергию и творчество, привело к редкому расцвету гения, но анархия и предательство, неизбежно следующие за упадком морали, обессилили итальянцев как нацию, и итальянцы попали, подобно грекам, под господство наций, менее цивилизованных, чем они сами, но не в такой мере лишенных общественной связи.

Однако в данном случае результат был менее разрушителен, чем в Греции, потому что новые могущественные нации оказались (за исключением Испании) столь же способными к великим достижениям, как и сами итальянцы незадолго перед этим.

Начиная с XVI века история европейской мысли определяется Реформацией. Реформация – сложное и многостороннее движение, она обязана своими успехами многим причинам. В основном это мятеж северных наций против восстановленного господства Рима. Религия являлась силой, подчинившей Север, но в Италии религия пришла в упадок: папство как институт сохранилось и извлекало громадную дань из Германии и Англии, но эти пока еще набожные нации не могли чувствовать почтение к Борджиа и Медичи, которые специализировались на том, что спасали души от чистилища в обмен на деньги, которые сами тратили на роскошь и разврат. Национальные, экономические и моральные мотивы слились воедино, чтобы усилить мятеж против Рима. Более того, короли вскоре поняли, что стань церковь на их территории только национальной, они смогли бы достигнуть над ней господства, а тем самым приобрести и у себя дома еще большее могущество, чем раньше, когда делили власть с папой. По всем этим причинам теологические нововведения Лютера приветствовались в равной степени правителями и народом большей части северной Европы.

Католическая церковь ведет свое происхождение из трех источников. Ее Священная история была еврейской, ее теология – греческой, а ее правление и каноническое право, по крайней мере косвенно, – римскими. Реформация отвергла римские элементы, смягчила греческие и очень усилила иудейские. Она, таким образом, сотрудничала с националистическими силами, губившими дело социальной сплоченности, осуществленное сначала Римской империей, а затем католической церковью. Согласно католической доктрине, божественное откровение не закончилось с созданием Писания, но продолжается из века в век через посредство церкви, поэтому личность должна подчинять ей свои частные мнения. Протестанты, напротив, отвергли церковь как посредника в откровении; истину следует искать только в Библии,

которую каждый человек может толковать для себя по-своему. Если люди разойдутся в своем истолковании, то нет такой назначенной Богом силы, которая могла бы решить этот спор. На практике государство претендовало на права, ранее принадлежавшие церкви, но то было узурпацией. Теория протестантизма не признавала земного посредника между душой и Богом.

Эта перемена имела важные последствия. Истина должна была больше подтверждаться не консультативной властью, а внутренним созерцанием. Возникла быстро развивавшаяся тенденция к анархизму в политике, к мистицизму в религии, который всегда с трудом укладывался в рамки католической ортодоксии. Получился не единый протестантизм, а множество сект, не единая философия, противостоящая схоластике, а столько философских систем, сколько было философов, и не один император, как в XIII веке, противостоял папе, а большое число еретических королей. В итоге как в мышлении, так и в литературе развивается постоянно углубляющийся субъективизм, проявляющийся первое время как благотворное освобождение от духовного рабства, но неуклонно ведущий к враждебной для социального здоровья изоляции личности.

Современная философия начинается с Декарта, для которого основным бесспорным положением являлось положение о существовании лишь самого себя и своих собственных мыслей, из чего следует заключать о существовании внешнего мира. Это только первая стадия в развитии, которое привело через Беркли и Канта к Фихте, для которого все – только эманация «я». Это было безумие, и, столкнувшись с такой крайностью, философия с тех пор пыталась и пытается перенестись в мир будничного здравого смысла.

Субъективизм в философии, анархизм в политике идут рука об руку. Уже во времена, когда еще жив был Лютер, незванные, непризнанные апостолы развили доктрину анабаптизма, который в течение некоторого времени господствовал в городе Мюнстере. Анабаптисты отменили все законы, поскольку они утверждали, что хороший человек будет руководиться в любой момент Святым Духом, который не может быть связан предписаниями. Исходя из этой предпосылки, они пришли к коммунизму и сексуальному промискуитету. Вскоре они были истреблены после героического сопротивления. Но их доктрина в более мягкой форме распространилась в Голландии, Англии и Америке; исторически она явилась источником квакерства. Еще более острая форма анархизма, уже не связанная с религией, возникает в XIX веке. В России, в Испании и в меньшей степени в Италии он имел значительный успех и вплоть до наших дней остается пугалом для американских иммиграционных властей. Эта современная, хотя и антирелигиозная форма многое еще сохраняет от духа раннего протестантизма; она отличается тем, что главным образом направляет против светских правительств ту враждебность, которую Лютер направлял против пап.

Субъективность, которой однажды дали волю, не может быть заключена в какие-либо границы, пока она не достигнет своего логического конца. Протестантский упор на индивидуальную совесть в области морали, в сущности, был анархическим. Привычка и обычай являлись настолько сильными, что (за исключением случайных взрывов, вроде мюнстерского) последователи индивидуализма в этике продолжали действовать добродетельным образом в соответствии с традицией. Но это было неустойчивое равновесие. Культ «чувственности» XVIII века начал разрушать его: действие вызывало восхищение не благодаря своим благим последствиям и не благодаря своему соответствию моральному кодексу, но благодаря вызвавшему его чувству. Из такого отношения развился культ героя, выраженный Карлейлем и Ницше, и байроновский культ неистовой страсти, какова бы она ни была по своему содержанию.

Романтическое движение в искусстве, литературе и политике связано с этим субъективным способом судить о людях не как о членах общества, но как об эстетически прекрасных предметах созерцания. Тигры более прекрасны, чем овцы, но мы предпочитаем видеть их за решеткой. Типичный романтик отодвигает решетку и радуется великолепным прыжкам тигра,

уничтожающего овец. Он призывает людей вообразить себя тиграми; но когда его призыв достигает успеха, результаты оказываются не совсем приятными.

В ответ на наиболее безумные формы субъективизма в современную эпоху последовали различные реакции. Во-первых, половинчатая, компромиссная философия, доктрина либерализма, которая пыталась определить соответствующие сферы для личности и для правительства. В современной форме эта попытка берет свое начало у Локка, который выступал как против «энтузиазма» – индивидуализма анабаптистов, так и против абсолютного авторитета и слепого преклонения перед традицией. Более радикальное движение привело к доктрине преклонения перед государством, которая придает государству такое же значение, какое католицизм придавал церкви или даже иногда Богу. Гоббс, Руссо и Гегель представляют различные этапы этой теории, а их доктрины практически реализованы Кромвелем, Наполеоном и фашистской Германией. Коммунизм в теории далек от таких философий, но на практике влеком к такому типу общества, который является результатом подобного обожествления государства.

На протяжении всего длительного развития, от VII века до н. э. и до наших дней, философы делились на тех, кто стремился укрепить социальные узы, и на тех, кто хотел ослабить их. С этим различием были связаны другие. Сторонники дисциплины защищали некоторые догматические системы, старые или новые, а следовательно, были вынуждены в большей или меньшей степени занимать позиции, враждебные науке, поскольку их догмы не могли быть доказаны эмпирическим путем. Все они почти неизменно учили, что счастье не является благом, но что ему следует предпочесть «благородство» или «героизм». Они питали симпатию к иррациональной части человеческой природы, поскольку чувствовали, что разум враждебен социальной связи. Сторонники либерализма, с другой стороны, исключая крайних анархистов, тяготели к научному, утилитарному, рационалистическому, враждебному неистовой страсти. Они склонны были выступать против всех более глубоких форм религии. Этот конфликт существовал в Греции еще до возникновения того, что мы признаем в качестве философии, и он совершенно явственно выражен у представителей самой ранней греческой мысли. Видоизменившись, он сохраняется вплоть до настоящего времени и, несомненно, сохранится в течение многих грядущих веков.

Ясно, что каждая сторона в этом конфликте, поскольку дело касается того, что же сохраняется в течение длительного исторического периода, отчасти права и отчасти заблуждается. Социальная сплоченность является необходимостью, и человечество никогда не достигло бы успеха в ее установлении только разумными доводами. Каждое общество подвержено двум противоположным опасностям: с одной стороны, опасности окостенения из-за слишком большой дисциплины и почтения к традиции, а с другой стороны, опасности разложения или подчинения иностранному завоеванию вследствие роста индивидуализма и личной независимости, которые делают невозможным сотрудничество. Вообще значительные цивилизации начинаются с жестоких и суеверных систем, постепенно ослабевающих и приводящих на определенной стадии к эпохе блестящих гениев, в ходе которой благо старой традиции сохраняется, а зло, связанное с разрушением этой традиции, еще не получило своего развития. Но когда зло обнаруживается, оно приводит к анархии, следствием которой неизбежно будет новая тирания, порождающая новый синтез, охраняемый новой системой догм. Доктрина либерализма является попыткой избежать этого бесконечного колебания. Сущность либерализма состоит в попытке укрепить социальный порядок, который не основывался бы на иррациональных догмах, и обеспечить стабильность без введения ограничений больших, чем это необходимо для сохранения общества. Может ли быть успешной эта попытка, решит только будущее.

Часть первая. Досократики

Глава I. Возникновение греческой цивилизации

Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции. Многие из того, что создает цивилизацию, уже существовало в течение тысячелетий в Египте и Месопотамии и распространилось оттуда в соседние страны. Но некоторых элементов не доставало, пока они не были восполнены греками. Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику³, науку и философию; на место простых летописей они впервые поставили историю; они свободно рассуждали о природе мира и целях жизни, не обремененные путами какого-либо традиционного ортодоксального учения. Происшедшее было настолько удивительным, что люди до самого последнего времени довольствовались изумлением и мистическими разговорами о греческом гении. Однако вполне возможно понять развитие Греции в научных терминах, и такое исследование стоит затраченного времени.

Философия начинается с Фалеса. К счастью, можно легко установить, когда он жил, так как Фалес предсказал затмение, происшедшее, согласно подсчетам астрономов, в 585 году до н. э. Философия и наука – они сперва не разделялись – возникли, таким образом, в начале VI века. Что же происходило в Греции и в соседних странах в предшествующий этому период? Об этом можно говорить только предположительно, но в наш век благодаря археологии у нас гораздо больше знаний, чем было у наших дедов.

Искусство письма было изобретено в Египте около 4000 лет до н. э., в Вавилонии же – не намного позднее. В каждой стране письменность начиналась с рисунков, изображающих предметы, о которых шла речь. Эти рисунки вскоре приобрели условный характер, слова уже представлялись не рисунками, а идеограммами, как это все еще имеет место в современном Китае. В течение тысячелетий эта громоздкая система развилась в алфавитную письменность.

Цивилизация в Египте и Месопотамии обязана своим ранним развитием Нилу, Тигру и Евфрату, которые делали сельское хозяйство самым легким и производительным занятием. Она во многом сходна с цивилизацией, которую испанцы застали в Мексике и в Перу. Обожествляемый царь имел деспотическую власть; в Египте он владел всей землей. Царь имел особенно сокровенные отношения с верховным богом, увенчивавшим политеистическую религию. Существовала военная, а также жреческая аристократия. Если царь оказывался несильным или был занят в тяжелой войне, жреческая аристократия чувствовала себя способной покушаться на царскую власть. Землю возделывали принадлежавшие царю, аристократии и жречеству рабы.

Между египетской и вавилонской теологией имеются существенные различия. Египтяне больше думали о смерти, они верили, что души умерших спускаются в подземное царство, где их ждет суд Осириса, решение которого определяется их образом жизни на земле. Они думали, что в конце концов душе предстоит возвращение в тело. Эта вера проявлялась в бальзамировании умерших и в постройке роскошных пирамид. Пирамиды строились различными фараонами в конце IV и в начале III тысячелетия до н. э. Затем египетская цивилизация приобретала все более стереотипный характер; прогресс становится невозможным благодаря религиозному консерватизму. Около 1800 года до н. э. Египет завоевывают семиты – гиксосы, управлявшие

³ Арифметика и кое-что из геометрии были уже у египтян и вавилонян, но по преимуществу в форме чисто эмпирических правил. Дедуктивное умозаключение из общих посылок – греческое нововведение.

страной около двух столетий. Они не оказали на Египет значительного влияния, но их присутствие в этой стране, должно быть, послужило распространению египетской цивилизации в Сирии и в Палестине.

История Вавилонии была более воинственной, чем история Египта. Правящей расой первоначально были не семиты, а так называемые шумеры, чье происхождение неизвестно. Шумеры изобрели клинописное письмо, перенятое затем от них завоевателями семитами. До того как Вавилон приобрел первенство и основал империю, существовали различные независимые города, которые в течение определенного периода воевали друг с другом. Боги других городов стали подчиненными, бог Вавилона Мардук занял примерно такое же положение, какое затем занимал Зевс в греческом пантеоне. В Египте имела место та же картина, только значительно раньше.

Как и другие древние религии, религии Египта и Вавилонии являлись первое время культурами плодородия. Земля олицетворяла женский пол, а солнце – мужской. Обычно воплощением мужского плодородия считался бык, и быки-боги были общепризнаны. Высшей среди богинь в Вавилонии была богиня земли Иштар. Во всей Западной Азии под различными именами почиталась Великая Мать. Греки-колонисты, основывая в Малой Азии храмы этой богини, называли ее Артемидой и переняли существовавший там культ. Так возникла «Диана эфесцев»⁴. Христианство превратило ее в деву Марию. Именно совет в Эфесе узаконил титул «Божьей Матери», принадлежащий нашей Богородице.

Политические мотивы там, где религия была связана с имперским правительством, весьма сильно послужили преобразованию ее примитивных черт. Бог или богиня стали ассоциироваться с государством, и они должны были теперь способствовать не только обильному урожаю, но и военной победе. Богатая жреческая каста разработала обрядовую сторону и теологию, в пантеон богов она поместила нескольких богов из составных частей империи.

Благодаря связи религии с правительством богов стали связывать также с моралью. Законодатели получали свои кодексы от бога; таким образом, нарушение закона сделалось проявлением неверия. Древнейшим из известных до сих пор правовых кодексов является кодекс Хаммурапи, вавилонского царя (около XXI века до н. э.); как утверждал царь, этот кодекс был получен им от Мардука. Связь между религией и моралью в древнюю эпоху становилась с течением времени все более тесной.

В отличие от египетской вавилонская религия больше касалась процветания в этом мире, чем счастья в будущем. Магия, прорицание и астрология, хотя они были свойственны не только Вавилонии, все же там были развиты более, чем где-либо в другом месте. Именно через Вавилон главным образом они приобрели влияние в более поздние периоды древности. Из Вавилона вышло кое-что, относящееся к науке: разделение дня на 24 часа и круга на 360 градусов, а также открытие периодичности затмений, что позволило с достоверностью предсказывать лунные затмения, а солнечные – с некоторой степенью вероятности. Как увидим далее, эти достижения вавилонян были использованы Фалесом.

Египетская и месопотамская цивилизации были земледельческими, а цивилизации окружающих племен первое время оставались пастушескими. Развитие торговли, вначале исключительно морской, внесло новый элемент. Вплоть до I тысячелетия до н. э. оружие делали из бронзы, а племена, не имевшие на своей собственной территории необходимых металлов, были вынуждены приобретать их путем торговли или при помощи пиратства. Пиратство являлось временным средством. Там, где социальные и политические условия приобрели достаточно устойчивый характер, торговля оказалась более выгодным занятием. Пионером в торговле, по видимому, выступил остров Крит, ибо в течение приблизительно одиннадцати веков, вероятно

⁴ Диана – латинский эквивалент Артемиды. Именно последняя упоминается в греческом Новом Завете там, где в нашем переводе речь идет о Диане.

с XXV до XIV века до н. э., на Крите существовала передовая в художественном отношении культура, известная под названием минойской. То, что уцелело от критского искусства, производит впечатление бодрости и почти декадентской роскоши; этим оно весьма отличается от утрашающей угрюмости египетских храмов.

Об этой значительной цивилизации почти ничего не было известно до произведенных сэром Артуром Эвансом и другими раскопок. Это была морская цивилизация, тесно связанная (за исключением времени гиксосов) с Египтом. Из египетских картин видно, что критские моряки вели весьма значительную торговлю между Египтом и Критом. Своего наивысшего развития эта торговля достигла около 1500 года до н. э. По-видимому, критская религия имела много общего с религиями Сирии и Малой Азии, но в искусстве наблюдается большее сходство с египетским искусством, хотя критское искусство очень оригинально и изумительно жизнерадостно. Центр критской цивилизации – так называемый «дворец Миноса» в Кноссе, о котором сохранилась память в традиции классической Греции. Критские дворцы были весьма величественными сооружениями, но приблизительно к концу XIV столетия до н. э. были разрушены, вероятно греческими завоевателями. В основу хронологии критской истории положены египетские предметы, найденные на Крите, и критские предметы, найденные в Египте. Повсюду здесь наши знания зависят от археологических данных.

Критяне поклонялись богине или, может быть, нескольким богиням. Наиболее несомненной богиней была «Повелительница животных», которая была охотницей и, возможно, являлась прообразом классической Артемиды⁵. Она, по-видимому, была также матерью: ее молодой сын являлся единственным (если не считать «Повелителя животных») богом мужского пола. Имеются некоторые свидетельства относительно веры в загробную жизнь, согласно которой, как и в египетских верованиях, земные дела получают вознаграждение или возмездие. Но в целом критяне кажутся, судя по их искусству, жизнерадостным народом, который не был подавлен сколько-нибудь сильно мрачными предрассудками. Они любили бои быков, во время которых тореадоры – как мужчины, так и женщины – показывали изумительное акробатическое искусство. Бои быков являлись религиозными праздниками, и сэр Артур Эванс думает, что исполнители принадлежали к самой высшей знати. Но этот взгляд не является общепринятым. Сохранившиеся картины полны динамики и реализма.

Критяне обладали линейным письмом, но оно до сих пор не расшифровано. Дома они были миролюбивы, и их города не окружали крепостные стены. Несомненно, что защитой для критян служило их морское могущество.

До своей гибели минойская культура распространилась (около 1600 года до н. э.) на материковую Грецию, где продолжала существовать, претерпевая постепенное вырождение, почти до 900 года до н. э. Эта материковая цивилизация известна под названием микенской; мы знаем о ней благодаря царским гробницам, а также благодаря крепостям, расположенным на вершинах холмов, которые свидетельствуют о большом страхе перед военным нападением, чем это было на Крите. И гробницы и крепости продолжали впечатлять воображение классической Греции. Старейшие произведения искусства в дворцах представляли собой действительно изделия критского искусства или же искусства, весьма к нему близкого. Микенская цивилизация, вырисовывающаяся сквозь дымку легенд, описана Гомером.

В истории микенцев имеется много неопределенного. Обязаны ли они своей цивилизацией завоеванию их критянами? Говорили ли они по-гречески или принадлежали к местной, более древней расе? На эти вопросы невозможно дать определенного ответа, но в целом кажется вероятным, что они были завоевателями, говорившими по-гречески, и что по крайней мере аристократия состояла из белокурых завоевателей с севера, принесших с собой греческий

⁵ Она имела двойника мужского пола, или супруга, – «Повелителя животных», но он менее значителен. Гораздо позднее Артемиде отождествляется с Великой Матерью Малой Азии.

язык⁶. Греки пришли в Грецию тремя последовательными волнами: сперва ионийцы, за ними ахейцы, а последними дорийцы. Ионийцы, хотя и были завоевателями, по-видимому, усвоили критскую культуру довольно полно, как позднее римляне усвоили греческую цивилизацию. Но они были разогнаны и почти целиком изгнаны своими преемниками – ахейцами. Из хеттских табличек, найденных при городе Богаз-Кой, известно, что ахейцы создали большую организованную империю в XIV веке до н. э. Микенская цивилизация, ослабленная войной ионийцев и ахейцев, была практически разрушена дорийцами – последними греческими завоевателями. Если прежние завоеватели в основном усваивали минойскую религию, то дорийцы сохранили исконную индоевропейскую религию своих предков. Религия микенских времен тем не менее продолжала существовать, особенно среди низших классов. Поэтому религия классической Греции оказалась смесью двух религий. На самом деле некоторые из классических богинь были микенского происхождения.

Хотя вышеприведенное описание кажется правдоподобным, следует помнить, что мы не знаем, были ли микенцы греками или нет. Что мы действительно знаем, так это то, что цивилизация погибла, что приблизительно в то время, когда ее существование подходило к концу, железо вытеснило бронзу и что морское превосходство на некоторое время перешло к финикийцам.

Но в течение последнего периода микенской эпохи и после ее гибели некоторые из завоевателей оседали и становились землевладельцами, тогда как другие устремлялись дальше, сперва на острова и в Малую Азию, а затем на Сицилию и в Южную Италию, где они основывали города, живущие морской торговлей. Именно в этих приморских городах греки впервые сделали качественно новый вклад в цивилизацию; первенство же Афин пришло позднее, а когда оно наступило, то также было связано с морским могуществом.

Материковая часть Греции является гористой страной, которая в значительной своей части бесплодна. Но зато там много плодородных долин, имеющих свободный доступ к морю и отрезанных горами от удобных сухопутных коммуникаций между собой. В этих долинах и возникли небольшие самостоятельные общества, живущие земледелием, концентрирующиеся вокруг города и обычно расположенные вблизи моря. В таких условиях было естественным, что коль скоро население того или иного общества становилось слишком большим по сравнению с его внутренними ресурсами, то те, кто не имел возможности жить на земле, вынуждены были заняться мореходством. Города материковой Греции основывали колонии часто в местах, где легче было найти средства к существованию, чем дома. Таким образом, в древнейший исторический период греки Малой Азии, Сицилии и Италии оказались богаче греков, живших в материковой Греции.

Общественные системы в различных частях Греции были весьма различны. В Спарте небольшой слой аристократии существовал за счет поработанных илотов другой расы; в беднейших земледельческих районах ее население составляли главным образом крестьяне, возделывающие свою землю с помощью своих семей. Но там, где процветали торговля и промышленность, свободные граждане обогащались путем эксплуатации рабов: мужчин – в рудниках, женщин – в текстильном производстве. В Ионии рабами были люди из окружающих варварских племен. Рабов, как правило, вначале приобретали на войне. С увеличением богатства усугублялась изоляция знатных женщин, которые позднее стали уже принимать весьма малое участие в различных сторонах жизни греческой цивилизации, за исключением Спарты и Лесбоса.

Развитие шло весьма единообразно: сперва от монархии к аристократии, затем к чередованию тирании и демократии. Цари не имели абсолютной власти, как в Египте и в Вавилонии; они правили с участием совета старейшин и не могли безнаказанно нарушать обычаи. «Тира-

⁶ См: *Martin P. Nilsson. The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion*, p. 11 и далее.

ния» не означала непременно плохого управления, но лишь правление человека, чье притязание на власть не основывалось на принципе наследования. «Демократия» означала правление всех граждан, в число которых не входили женщины и рабы. Первые тираны, напоминающие Медичи, приобрели власть благодаря тому, что были богатейшими представителями соответствующих плутократий. Часто источники их богатства состояли во владении золотыми и серебряными рудниками, сделавшимися более доходными благодаря новому институту монетной системы, пришедшему из смежного с Ионией Лидийского царства⁷. По-видимому, чеканка монеты была изобретена незадолго до VII века до н. э.

Одним из самых главных результатов, который получили греки от торговли и пиратства – вначале эти два рода деятельности едва ли различались, – было приобретение искусства письма. Хотя в Египте и в Вавилонии письмо существовало в течение тысячелетий и минойские критяне также имели письменность, которая оказалась разновидностью греческого, время, когда греки обрели алфавитную письменность, остается неизвестным. Они научились этому искусству от финикийцев, которые, подобно другим обитателям Сирии, испытали влияние Египта и Вавилонии и вплоть до возникновения греческих городов в Ионии, Италии, Сицилии удерживали превосходство на море и в морской торговле. В XIV веке до н. э. в письме к Эхнатону («еретическому» фараону Египта) сирийцы пользовались все еще вавилонской клинописью, но Хирам из Тира (969–936 годы до н. э.) уже употреблял финикийский алфавит, который, вероятно, развился из египетской письменности. Египтяне сначала применяли чисто рисуночное письмо. Постепенно рисунки приобретали все более условный характер, стали изображать слоги (первые слоги названий изображаемых вещей) и, наконец, отдельные буквы по принципу: «“Л” означало “Лучник”, который стрелял в лягушку»⁸. Этот последний успех, которого добились в сколько-нибудь законченной форме отнюдь не египтяне, а финикийцы, означал создание алфавита со всеми его преимуществами. Греки, заимствовав у финикийцев это изобретение, изменили алфавит так, чтобы он мог обслуживать их язык. При этом они сделали важные нововведения, добавив гласные, тогда как финикийский алфавит состоял из знаков, обозначающих одни согласные. Не может быть сомнения, что приобретение этого удобного способа письма значительно ускорило прогресс греческой цивилизации.

Гомер был первым выдающимся продуктом эллинской цивилизации. Все суждения относительно Гомера предположительны, но, по-видимому, наилучшим было то мнение, согласно которому под этим именем скрывается скорее целый ряд поэтов, а не одна личность. Для завершения «Илиады» и «Одиссеи» потребовалось, вероятно, около двухсот лет. Некоторые считают, что эти поэмы были созданы в период от 750 года до 550 года до н. э.⁹, тогда как другие утверждают, что «Гомер» был почти закончен в конце VIII столетия до н. э.¹⁰ Гомеровские поэмы в известной нам форме принесены в Афины Лисистратом, правившим там (с перерывами) с 560 до 527 года до н. э. С этого времени и впредь афинская молодежь заучивала Гомера наизусть, и это сделалось наиболее важной частью образования. В некоторых частях Греции, особенно в Спарте, Гомер получил такое признание лишь в более позднее время.

Гомеровские поэмы, подобно изысканным рыцарским романам позднего Средневековья, отражали точку зрения цивилизованной аристократии, которая игнорировала различные предрассудки, еще сохранившиеся среди населения, как плебейские. В более поздние времена многие из этих предрассудков появились снова на свет божий. На основе данных антропологии современные авторы пришли к выводу, что, будучи весьма далек от первобытного примитивизма, Гомер явился преобразователем, который отстаивал высшие классовые идеалы город-

⁷ См.: P. N. Ure. The Origin of Tyranny.

⁸ Например, «гимель» – третья буква еврейского алфавита – означает «верблюд», и ее знак является условным изображением верблюда.

⁹ R. J. Beloch. Griechische Geschichte. Ch. XII.

¹⁰ M. Rostovtsev. History of the Ancient World. Vol. I, p. 399.

ского просвещения и который напоминал рационализатора древних мифов в XVIII веке. Олимпийские боги, представлявшие религию у Гомера, были вовсе не единственными объектами поклонения греков, касается ли это эпохи самого Гомера или более поздней эпохи. В народной религии имелись и другие, более темные и дикие элементы, которые были загнаны в подполье греческим интеллектом в пору его расцвета, но ждавшие лишь момента слабости или страха, чтобы совершить нападение. Во времена упадка оказалось, что верования, отброшенные Гомером и наполовину похороненные в классический период, продолжают жить. Этот факт объясняет многое из того, что иначе показалось бы противоречивым и удивительным.

Первобытная религия всюду носила скорее племенной, чем личный характер. С ней были связаны определенные ритуалы, которые должны были способствовать посредством симпатической магии осуществлению интересов племени, касавшихся особенно плодородия – растительного, животного и человеческого. Зимнее солнцестояние считалось временем, когда солнце следовало ободрять, чтобы оно более не убывало в силе, весна и сбор урожая также требовали соответствующих обрядов. Эти обряды часто были таковы, что вызывали сильное коллективное возбуждение, в котором индивиды утрачивали чувство своей разобщенности и начинали чувствовать себя одним целым со всем племенем. Во всем мире на определенной ступени религиозной эволюции существовали обряды, при которых убивали и поедали священных животных и людей. Различные районы переживали эту стадию в самое разное время. Принесение в жертву богам людей сохранялось обычно дольше, чем обрядовое поедание человеческих жертв; в Греции человеческие жертвоприношения иногда практиковались даже в начале исторического периода. Ритуалы плодородия без подобных жестокостей были свойственны всей Греции, в частности элевсинские мистерии по своему символизму, в сущности, являлись земледельческими праздниками.

Следует признать, что религия у Гомера не слишком религиозна. Его боги вполне человечески; они отличаются от людей только бессмертием и обладанием сверхчеловеческими способностями. В моральном отношении им нельзя отдать никакого предпочтения перед человеком, и трудно понять, как они могли внушать большое благоговение. В некоторых местах у Гомера, вероятно более поздних, они трактуются с вольтеровской непочтительностью. Истинно религиозные чувства, которые могут быть обнаружены у Гомера, относятся не столько к богам Олимпа, сколько к более туманным существам, таким как Судьба, Необходимость или Рок, которым подчинен даже Зевс. Идея Судьбы оказала большое влияние на всю греческую мысль, и она, возможно, была одним из источников, из которых наука извлекла свою веру в естественный закон.

Гомеровские боги – это боги аристократии завоевателей, а не боги полезного плодородия тех, кто действительно возделывал землю. Гилберт Мюррей пишет: «Боги большинства наций претендовали на роль создателей мира. Олимпийцы не претендовали на это. Самое большее, что они когда-либо сделали, состояло в том, что они завоевали его... Что же они делают после того, как они завоевали свои царства? Заботятся ли они о правлении? Содействуют ли они земледелию? Занимаются ли они торговлей и промышленностью? Нисколько. Да и почему они должны честно трудиться? Они считают, что легче жить на годовые доходы и поражать ударами молнии тех, кто не платит. Они – вожди-завоеватели, королевские пираты. Они воюют, пируют, играют, музицируют; они напиваются допьяна, покатываются со смеху над пришедшим к ним хромым кузнецом. Они никого не боятся, кроме своего собственного царя. Они никогда не лгут, если дело не касается войны или любви»¹¹.

Гомеровские герои-люди также не блещут особенно хорошим поведением. Главенствующей семьей является дом Пелопса, но он отнюдь не мог служить образцом счастливой семейной жизни.

¹¹ «Five Stages of Greek Religion», p. 67.

«Тантал, азиатский основатель династии, начал свою карьеру прямым проступком против богов. Как говорят, он пытался обманом заставить богов вкушать человеческого мяса, убив для этого своего собственного сына Пелопса. Последний, возвращенный чудесным образом к жизни, в свою очередь прогневал богов. Он победил в знаменитом состязании на колесницах своего противника Эномая, царя Писы, при пособничестве возникшего последнего, Миртила, которому пообещал щедрое вознаграждение, а затем, чтобы разделаться со своим союзником, сбросил его в море. Проклятие перешло на сыновей Пелопса – Атрея и Фиеста – в форме того, что греки называли *arc*, то есть сильного, если не действительно непреодолимого побуждения к преступлению. Фиест, совратив жену своего брата, сумел благодаря этому похитить у последнего «счастье» семьи – знаменитый златорунный овен. В свою очередь Атрей, обеспечивший изгнание своему брату Фиесту, притворился, что желает простить его, и, зазвав Фиеста к себе под предлогом примирения, пригласил его на пир, где угостил мясом его же сыновей. Затем проклятие наследовал сын Атрея Агамемнон, который оскорбил Артемиду, убив ее священную лань, за что был вынужден, чтобы умиловить богиню и обеспечить для своего флота безопасный проход в Трою, принести в жертву богине свою дочь Ифигению. В свою очередь он был убит своей неверной женой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом, уцелевшим сыном Фиеста. Орест, сын Агамемнона, со своей стороны мстит за своего отца, убивая свою мать и Эгисфа»¹².

Гомер как законченное достижение был продуктом Ионии, то есть части эллинской Малой Азии и прилегающих островов. Гомеровские поэмы записаны и зафиксированы в их теперешнем окончательном виде самое позднее в какой-то отрезок времени VI века до н. э. В этом самом столетии начинаются греческая наука, философия и математика. В то же время в других частях мира происходят события чрезвычайной важности. Конфуций, Будда и Зороастр, если они вообще существовали, могут быть отнесены к этому же столетию¹³. В середине этого столетия Кир основал Персидскую империю. Греческие города Ионии, которым персы предоставили некоторую ограниченную автономию, к концу VI столетия предприняли бесплодное восстание, которое было подавлено Дарием. Лучшие люди этих городов стали изгнанниками. Некоторые философы этого периода были беженцами, которые странствовали из города в город в пределах еще не поработанной части эллинского мира, распространяя там цивилизацию, сосредоточенную до того времени главным образом в Ионии. В своих странствиях они встречали доброжелательное отношение окружающих.

Ксенофан, период расцвета деятельности которого приходится на последнюю часть VI столетия до н. э., рассказывает:

Вот о чем нужно вести беседу зимней порою
У очага, возлежа на мягком ложе, наевшись,
Сладкое попивая вино, заедая горошком:
«Кем ты будешь, откуда? Годов тебе сколько, милейший?
Сколько было тебе, когда нагрязнул Мидиец?»¹⁴

Остальной Греции удалось сохранить свою независимость в битвах при Саламине и Платее, после которых на продолжительное время была освобождена Иония¹⁵.

¹² H. J. Rose. Primitive Culture in Greece. 1925, p. 193.

¹³ Время деятельности Зороастра является, однако, весьма предположительным. Некоторые относят его к 1000 году до н. э. См.: Cambridge Ancient History. Vol. IV, p. 207.

¹⁴ Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989, с. 172.

¹⁵ В результате поражения, которое Афины потерпели от Спарты, персы возвратили назад все побережье Малой Азии, их права на которое были признаны Анталкидовым миром (387–386 годы до н. э.). Приблизительно пятьдесятю годами

Греция распадалась на большое количество маленьких независимых государств, каждое из которых состояло из города и окружающей его сельской местности. В разных частях греческого мира уровень цивилизации был весьма различен, лишь немногие города внесли свой вклад в общегреческие достижения. Спарта, о которой в дальнейшем я буду говорить подробнее, имела большое значение в военном, но отнюдь не в культурном отношении. Коринф был богатым и процветающим городом, крупным торговым центром, но и он был небогат великими людьми.

Существовали и чисто земледельческие, сельские общества, вроде знаменитой Аркадии, представлявшейся городским жителям идиллией, но которая в действительности была полна древних варварских ужасов.

Жители Аркадии поклонялись Гермесу и Пану. У них существовало множество культов плодородия, в которых зачастую простой столб правильной формы занимал место статуи бога. Козел символизировал плодородие, так как крестьяне были слишком бедны, чтобы иметь во владении быков. Когда запасы пищи истощались, статую Пана наказывали. (Подобные вещи до сих пор имеют место в отдаленных китайских деревнях.) Существовало там и целое племя людей, которых считали оборотнями, вероятно, в связи с сохранившимися у них человеческими жертвоприношениями и каннибализмом. Согласно поверью, всякий, вкусивший плоти принесенного в жертву человека, становится таким оборотнем. Имелась также пещера, посвященная Зевсу Ликейскому (Зевсу Волку); в этой пещере ни для кого не было спасения, и всякий, побывавший в ней, умирал в течение года. Все эти предрассудки еще процветали в классические времена¹⁶.

Пан, носивший первоначально имя «Паон» (как думают некоторые), что значило едок или пастух, приобрел вслед за принятием его культа Афинами в V веке до н. э., после греко-персидских войн, свой более известный титул, истолкованный в смысле Всеобъемлющего Божества¹⁷.

Однако в Древней Греции мы можем найти много такого, в чем мы могли бы усматривать религию в принятом у нас смысле слова. Эта религия связана не с олимпийскими богами, а с Дионисом, или Вакхом. Это имя, вполне естественно, вызывает в нашем сознании образ бога с сомнительной репутацией – бога вина и пьянства. Но тот путь, каким из культа Вакха возник глубокий мистицизм, оказавший столь большое влияние на многих философов и даже сыгравший свою роль при формировании христианской теологии, весьма примечателен и должен быть понят всяким, кто желает изучить развитие греческой мысли.

Дионис, или Вакх, был первоначально фракийским богом. Фракийцы были гораздо менее цивилизованы, чем греки, относившиеся к фракийцам, как к варварам. Как и у всех народов с примитивным земледелием, у фракийцев существовали свои культы плодородия, а также бог, способствующий плодородию. Имя этого бога – Вакх. Никогда не было совершенно ясно, выступал ли Вакх в образе человека или быка. Когда фракийцы научились делать пиво, состояние опьянения они стали представлять как божественное и воздавать хвалу Вакху. Когда же позднее они познали вино и стали его употреблять, поклонение Вакху возросло еще более. Его функция способствовать плодородию вообще стала отчасти подчиненной его новой функции, связанной с виноградом и божественным безумием, порождаемым употреблением вина.

Неизвестно, когда культ Вакха был перенесен из Фракии в Грецию; по-видимому, это произошло незадолго до начала исторической эпохи. Этот культ Вакха был встречен ортодоксией враждебно, но тем не менее он укоренился в Греции. В нем содержалось большое количество варварских элементов, вроде разрывания на куски диких животных и поедания их цели-

позднее оно было включено в империю Александра Македонского.

¹⁶ H. J. Rose. *Primitive Culture in Greece*, p. 65 и далее.

¹⁷ J. E. Harrison. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, p. 651.

ком в сыром виде. Он содержал в себе также любопытный элемент феминизма. Благородные матроны и девушки, собравшись большими группами, проводили целые ночи на открытых холмах в танцах, вызываемых экстазом, и в упоении, отчасти алкогольном, но главным образом мистическом. Эта практика весьма раздражала мужей, но они не осмеливались идти против религии. Еврипид в своем произведении «Вакханки» изобразил красоту и варварство этого культа.

Успех Вакха в Греции неудивителен. Подобно всем народам, быстро пришедшим к цивилизации, греки, или по крайней мере определенная их часть, развили в себе любовь к первобытному. Они жаждали поэтому более инстинктивного и полного страстей образа жизни, нежели тот, который им предписывала ходячая мораль. Для мужчины или женщины, которые вынужденно более культурны в поведении, нежели в чувствах, рассудочность утомительна, а добродетель кажется бременем и рабством. Это вызывает соответствующую реакцию в мысли, в чувстве и поведении. Нас будет интересовать главным образом именно реакция в области мышления, но необходимо сказать несколько слов и о реакции в области чувства и поведения.

Цивилизованный человек отличается от дикаря главным образом *благоразумием*, или, если применить немного более широкий термин, *предусмотрительностью*. Цивилизованный человек готов ради будущих удовольствий перенести страдания в настоящем, даже если эти удовольствия довольно отдаленны. Эта привычка становится важной с возникновением земледелия. Ни животное, ни дикарь не стали бы трудиться весной ради того, чтобы обеспечить себя пищей на следующую зиму, если не считать немногие чисто инстинктивные формы деятельности, вроде собирания меда пчелами или заготовки орехов белками. Но и в этих случаях нет предусмотрительности, имеется только прямой импульс к действию, полезность которого для будущего может быть доказана лишь человеком, наблюдателем этих действий. Истинная предусмотрительность возникает только тогда, когда человек делает что-либо не потому, что его толкает на это непосредственный импульс, а потому, что разум говорит ему, что в будущем он получит от своего труда пользу. Охота не требует предусмотрительности, потому что она доставляет удовольствие, но возделывание почвы есть труд и не может совершаться под влиянием спонтанного импульса.

Цивилизация подчиняет себе импульсы не только через предусмотрительность, которая представляет собой самоуправляющийся контроль, но также через законы, обычаи и религию. Этот контроль заимствован еще от варварства, но цивилизация делает его менее инстинктивным и более систематичным. Определенные действия квалифицируются как преступные и наказываются, другие определенные действия, хотя и не преследуются по закону, квалифицируются как безнравственные, и те, кто их совершает, подвергаются общественному осуждению. Институт частной собственности влечет за собой подчиненное положение женщины и, как правило, возникновение класса рабов. С одной стороны, цели общества оказывают давление на личность, а, с другой стороны, личность, приобретая привычку рассматривать свою жизнь в ее целостности, все более жертвует своим настоящим ради будущего.

Очевидно, этот процесс может зайти очень далеко, как это случается, например, со скрягами. Но и без этих крайностей благоразумие легко может повести к утрате многих самых лучших сторон жизни. Поклонник Вакха восстает против благоразумия. В физическом или духовном опьянении он вновь обретает уничтоженную благоразумием интенсивность чувства, мир предстает перед ним полным наслаждения и красоты, его воображение вдруг освобождается из тюрьмы повседневных забот. Культ Вакха породил так называемый «энтузиазм», этимологически означающий вселение бога в поклоняющегося ему человека, который верит в свое единство с богом. Этот элемент опьянения¹⁸, некоторый отход от благоразумия под влиянием страсти имеет место во многих величайших достижениях человечества. Жизнь была бы неин-

¹⁸ Я имею в виду духовное, а не алкогольное опьянение.

тересной без вакхического элемента, но его присутствие делает ее и опасной. Благоразумие против страсти – это конфликт, проходящий через всю историю человечества. И это не такой конфликт, при котором мы должны становиться целиком на сторону лишь одной из партий.

Грубо говоря, трезвая цивилизация в сфере мышления тождественна науке. Но наука в чистом виде не удовлетворяет человека, люди нуждаются также в страсти, в искусстве и в религии. Наука может ограничить знание известными пределами, но она не должна и не может ставить пределы воображению. Среди греческих, как и среди позднейших философов некоторые тяготели к науке, другие – к религии, последние прямо или косвенно многим обязаны религии Вакха. Особенно это относится к Платону, а через него это влияние распространилось на те более поздние движения мысли, которые в конце концов воплотились в христианской теологии.

Култ Диониса в своей первоначальной форме был варварским и во многих отношениях отталкивающим. Однако не в этом первоначальном виде он оказал влияние на философов, а в одухотворенной форме, приписываемой Орфею, в аскетической форме, ставящей на место физического духовное опьянение.

Орфей – неясная, но интересная фигура. Одни утверждают, что он был реальной личностью, другие считают его богом или воображаемым героем. Согласно традиции, Орфей, как и Вакх, пришел из Фракии, но, по-видимому, более вероятно, что он (или движение, связанное с его именем) пришел с Крита. Несомненно, что орфические доктрины содержат многое, имеющее, по-видимому, своим первоисточником Египет, а влияние Египта на Грецию осуществлялось главным образом через Крит. Говорят, что Орфей был реформатором, которого разорвали на куски бешеные менады, побужденные к этому вакхической ортодоксией. Склонность Орфея к музыке не столь заметна в ранних формах легенды по сравнению с более поздними. Первоначально он был жрецом и философом.

Чем бы ни было учение самого Орфея (если он существовал), учение орфиков хорошо известно. Они верили в переселение душ; они учили, что в будущем душу ожидает либо вечное, либо временное страдание от пыток в зависимости от их образа жизни здесь, на земле. Они стремились к «очищению», отчасти путем церемонии очищения, отчасти путем избегания осквернения. Наиболее правожерные из орфиков воздерживались от животной пищи, исключение составляли только ритуалы (когда пища принималась сакраментально). Они считали, что человек – отчасти земное, а отчасти небесное существо; благодаря чистой жизни небесная часть возрастает, а земная часть убывает. В конце концов человек может стать единым целым с Вакхом и называться «Вакх». У орфиков существовала разработанная теология, согласно которой Вакх был рожден дважды: первый раз от своей матери Семелы, а второй – из бедра своего отца Зевса.

Существует много форм дионисийского мифа. В одном из мифов Дионис является сыном Зевса и Персефоны; будучи еще мальчиком, он был разорван на куски Титанами, которые сожрали всю его плоть, за исключением лишь сердца. Одни говорят, что сердце было отдано Зевсом Семеле, другие – что сам Зевс проглотил его. Во всяком случае, это привело к вторичному рождению Диониса. Разрывание дикого животного и пожирание его сырого мяса вакханками рассматривалось как воспроизведение того, что сделали Титаны с самим Дионисом, и животное, в известном смысле, выступало как воплощение бога. Титаны были земного рождения, но после того, как они съели бога, они стали обладателями божественной искры. Так же и человек – отчасти земное, отчасти небесное существо, и вакхические ритуалы способствуют приближению его к полной божественности.

Еврипид вкладывает в уста орфического жреца следующее поучительное признание:

Сын Зевса, Дионис, я – у фиванцев.

Здесь некогда Семела, Кадма дочь,
Меня на свет безвременно явила,
Поражена Зевесовым огнем.
Из бога став по виду человеком,
Я подхожу к струям родимых рек.
Вот матери-перунницы могила:
У самого дворца обломки дома
Еще курятся, – в них еще живет
Огонь небесный, Геры горделивой
На мать мою неугасимый гнев...
Спасибо Кадму: сделал неприступным
Он дочери святилище; его
Со всех сторон я скрыл и винограда
Кистями нежной зелени обвил.
Покинув пашни Лидии златой,
И Фригию, и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии, и у мидян
Изведав холод зимний, я арабов
Счастливых посетил и обошел
Всю Азию, что по побережью моря
Соленого простерлась: в городах
Красиво высятся стенные башни,
И вместе грек там с варваром живет.

В гробницах были найдены орфические таблички, содержащие поучения душе умершего относительно того, как найти ей дорогу в потусторонний мир и что говорить, для того чтобы доказать, что она достойна спасения. Эти таблички разбиты и неполны; наиболее полная из них (Петелийская табличка) содержит следующее:

Ты найдешь слева от дома Гадеса источник,
Рядом с ним стоит белый кипарис.
К этому источнику близко не подходи.
Но ты найдешь другой около Озера Памяти,
Холодные воды несущий, и перед ним стоит стража.
Скажи: «Я дитя Земли и Звездного Неба,
Но род мой – только от Неба. Об этом вы знаете сами.
И вот я, жаждой томим, погибаю. Дайте скорее
Холодной воды, текущей из Озера Памяти».
И сами они дадут тебе испить из святого источника,
И после этого среди других героев ты место получишь...

В другой табличке говорится: «Привет тебе, пережившему страдание... Из человека ты стал Богом». И еще в другой: «Счастлив и блажен ты, которому суждено из смертного стать Богом».

Источник, из которого душа не должна пить, – это Лета, приносящая забвение; другой источник – Мнемосина, память. В потустороннем мире душа, если она жаждет спасения, не должна ничего забывать. Напротив, она должна приобрести память, превосходящую естественную.

Орфики были аскетической сектой, вино для них – только символ, как позднее причастие для христиан. Искомое ими опьянение – это энтузиазм, союз с богом. Они думали, что таким путем приобретают мистическое знание, недостижимое обычными средствами. В греческую философию этот мистический элемент принес Пифагор, такой же реформатор орфизма, каким был Орфей по отношению к религии Диониса. От пифагорейцев орфический элемент перешел в философию Платона, а от него – в ту более позднюю философию, которая была уже полностью религиозной.

Некоторые явно вакхические элементы сохранились всюду, где орфизм имел влияние. Одним из таких элементов был феминизм. Его много у Пифагора, а у Платона элемент феминизма привел даже к требованию полного политического равноправия для женщин. «Женский пол, – говорит Пифагор, – по своей природе более благочестив». Другой вакхический элемент состоит в уважении к сильной страсти. Греческая трагедия выросла из ритуалов Диониса. Особенно Еврипид чтит двух главных богов орфизма: Диониса и Эроса. Он не уважал холодного и самодовольного, благонравного человека, которого в его трагедиях обычно сводили с ума или как-либо иначе ввергали в беду боги, возмущенные его богохульством.

По традиции считается, что грекам свойственна восхитительная безмятежность (serenity), позволявшая им с олимпийским спокойствием созерцать страсть со стороны, подходя к ней с эстетической точки зрения. Но это весьма односторонний взгляд. Это верно, быть может, относительно Гомера, Софокла и Аристотеля, но это в высшей степени неверно применительно к тем грекам, которые прямо или косвенно были затронуты вакхическим или орфическим влиянием. В Элевсине – а элевсинские мистерии составляли наиболее священную часть афинской государственной религии – пели гимн, в котором говорилось следующее:

С твоей высоко поднятой чашей,
С твоим безумным пиршеством
В Элевсинскую цветущую долину
Приходи ты – Вакх, гимн и привет тебе!

В «Вакханках» Еврипида хор менад являет собой такое сочетание поэтичности и дикости, которое прямо противоположно безмятежности. Они прославляют удовольствие отрывать конечности диких животных и поедать их сырыми тотчас же:

О, как мне любо в полях,
Когда я в неистовом беге,
От легкой дружины отставши,
В истоме на землю паду,
Священной небридой одета.
Стремясь ко фригийским горам,
Я хищника жаждала снеди:
За свежей козлиною кровью
Гонялась по склону холма...

Танец менад на склоне горы не был только неистовством, он был бегством от бремени и забот цивилизации в мир нечеловеческой красоты и свободы, ветра и звезд. В менее безумном настроении они поют:

Милая ночь, придешь ли?
Вакху всю я тебя отдам,
Пляске – белые ноги,
Шею – росе студеной.
Лань молодая усладе
Луга зеленого рада.
Вот из облавы вырвалась,
Сеть миновала крепкую.
Свистом охотник пускай теперь
Гончих за ланью шлет,
Ветер у ней в ногах,
В поле – раздолье.
Берегом мчаться отрадно ей,
Даром, что члены сжимает усталость;
Тихо кругом – она рада безлюдью,
Рада молчанию чащи зеленой.

Прежде чем повторить, что греки были «безмятежными», попробуйте вообразить матрон Филадельфии, ведущих себя таким же образом, даже в пьесе Юджина О’Нила.

Орфик не более «безмятежен», чем прежний поклонник Вакха. Для орфика жизнь в этом мире является страданием и скукой. Мы привязаны к колесу, которое, вращаясь, образует бесконечные циклы рождения и смерти. Наша истинная жизнь – на звездах, но мы прикованы к земле. Только путем очищения, самоотречения и аскетической жизни можем мы избежать этого круговорота и достигнуть, наконец, экстаза единения с Богом. Это вовсе не взгляд тех людей, для которых жизнь легка и приятна. Это больше напоминает религиозную песню негров:

Я собираюсь поведать Богу обо всех своих невзгодах,
Когда попаду домой.

Не все греки, но большинство из них были людьми, обуреваемыми страстями, несчастливыми людьми, боровшимися с собой, влекомыми интеллектом по одному пути, а страстями – по другому; они были наделены воображением, чтобы постигать небо, и своевольным притязанием, творящим ад. У них было правило «золотой середины», но в действительности они были невоздержанны во всем: в чистом мышлении, в поэзии, в религии, в грехе. Именно сочетание интеллекта и страсти делало их великими, пока они оставались таковыми, и никто не преобразовал бы так мир на все будущие времена, как они. Их прототипом в мифологии является не Зевс Олимпиец, но Прометей, принесший с неба огонь и претерпевший за это вечные муки.

Однако если и эту только что приведенную характеристику отнести ко всем грекам в целом, то это будет такой же односторонностью, как взгляд, приписывающий грекам «без-

мятежность». В действительности в Греции сосуществовали две тенденции: одна – эмоциональная, религиозная, мистическая, потусторонняя, другая – светлая, эмпирическая, рационалистическая, заинтересованная в приобретении знания разнообразия фактов. Последнюю тенденцию представляют Геродот, самые ранние ионийские философы, а также в известной степени Аристотель. Белох вслед за описанием орфизма говорит:

«Но греческая нация была слишком преисполнена юношеского задора, для того чтобы в целом принять веру, отвергающую этот мир и переносящую истинную жизнь в потустороннее. В соответствии с этим влияние орфического учения ограничивалось относительно узким кругом посвященных; орфизм не оказывал ни малейшего влияния на государственную религию, и это даже в обществах, которые, подобно Афинам, превратили празднование мистерий в государственные ритуалы и взяли их под защиту закона. Должно было пройти целое тысячелетие, прежде чем эти идеи, правда, в совершенно ином теологическом одеянии, одержали победу в греческом мире»¹⁹.

По-видимому, это преувеличение, особенно там, где речь идет об элевсинских мистериях, целиком пропитанных орфизмом. Вообще говоря, те, кто обладал религиозным темпераментом, обращались к орфизму, тогда как рационалисты презирали его. Положение орфизма можно сравнить с положением методизма в Англии в конце XVIII – начале XIX столетия.

Мы более или менее знаем, что именно образованный грек воспринимал от своего отца, но мы знаем очень мало о том, что он в свои самые ранние годы усваивал от матери, которая в значительной степени была отгорожена от цивилизации, приносившей удовольствия одним лишь мужчинам. Кажется вероятным, что даже в лучшие времена образованные афиняне при всем своем рационализме, ясно выражавшемся в сознательных умственных процессах, сохраняли усвоенный с детства и от традиции более примитивный образ мышления и чувства, которому всегда было суждено доминировать в напряженные периоды времени. Поэтому любой упрощенный анализ греческого мировоззрения вряд ли будет правильным.

Вплоть до недавнего времени влияние религии, особенно неолимпийской, на греческую мысль признавалось недостаточно. Революционная в этом отношении книга Джейн Гаррисон «Прологомены к исследованию греческой религии» подчеркнула наличие как примитивных, так и дионисийских элементов в религии простых греков. Работа Ф. М. Корнфорда «От религии к философии» стремилась обратить внимание изучающих греческую философию на то влияние, которое религия оказывала на философию, но эта работа не может быть полностью принята, так как ее концепции, фактически ее антропология, не заслуживают доверия²⁰.

Насколько мне известно, наиболее убедительной концепцией является положение Джона Барнета в его работе «Ранняя греческая философия», особенно в главе II «Наука и религия». Он говорит, что конфликт между наукой и религией возникает из «религиозного возрождения, пронесшегося над Элладой в VI столетии до н. э.» вместе с перенесением места действия из Ионии на Запад. «Религия континентальной Эллады, – говорит он, – и религия Ионии развивались в весьма различных направлениях. В частности, культ Диониса, пришедший из Фракии и лишь упоминаемый у Гомера, в зародыше содержал совершенно иной способ исследования отношения человека к миру. Было бы, конечно, ошибочно самим фракийцам приписывать какие-либо очень возвышенные взгляды; но не может быть сомнения, что греки видели в явлении экстаза подтверждение того, что душа представляет собой нечто большее, чем ничтожный двойник «я», и что только «вне тела» душа может проявить свою истинную природу...

Все это выглядело так, как будто греческая религия была готова подняться до уровня, уже достигнутого религиями Востока. Трудно сказать, что могло бы воспрепятствовать развитию этой тенденции, если бы не возникла наука. Обычно считается, что греков спасло от религии

¹⁹ R. J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd. I, chap. I, s. 434.

²⁰ С другой стороны, книги Корнфорда о различных диалогах Платона представляются мне в целом восхитительными.

восточного типа отсутствие у них жречества, но это лишь ошибочное принятие следствия за причину. Жречество не создает догматов, хотя оно и сохраняет их, коль скоро они уже созданы. Кроме того, в ранние периоды своего развития восточные народы не имели жречества в любом смысле этого слова. Грецию спасло не столько отсутствие жречества, сколько наличие научных школ.

Новая религия – ибо в одном смысле она была новой, тогда как в другом – старой, как человечество, – достигла высшего пункта своего развития с основанием орфических общин. Насколько мы можем судить, первоначальной родиной их была Аттика, но затем с невероятной быстротой они распространились в других районах, особенно в Южной Италии и Сицилии. Эти общины представляли собой прежде всего ассоциации, в которых отправлялся культ Диониса; но они отличались двумя, новыми среди эллинов, чертами. Они смотрели на откровение как на источник религиозного авторитета и были созданы как специальные организации. Поэмы, содержащие их теологию, приписывали фракийскому Орфею. Он сам спускался в Гадес, а следовательно, являлся надежным проводником через опасности, которые окружают бестелесную душу в потустороннем мире».

Далее Барнет говорит о наличии поразительного сходства между орфическими верованиями и верованиями, преобладавшими в Индии приблизительно в то же время, хотя, как утверждает Барнет, не может быть и речи о существовании между ними какого-либо контакта. Затем он переходит к выяснению первоначального значения слова «оргия». Это слово употреблялось орфиками в смысле «причастия». Цель причастия состояла в том, чтобы очистить душу верующего и помочь ей избежать круговорота рождения. В отличие от жрецов олимпийских культов орфики основали то, что может быть нами названо «церквями», то есть религиозные сообщества, в которые через посвящение мог быть принят всякий без различия расы или пола. Благодаря влиянию этих сообществ возникла концепция философии как способа жизни.

Глава II. Милетская школа

В любом курсе по истории философии для студентов первым делом говорится о том, что философия началась с Фалеса, который сказал, что все происходит из воды. Это обескураживает новичка, который старается – возможно, не очень притом упорно – почувствовать то уважение к философии, на появление которого, по-видимому, рассчитан учебный план. Тем не менее для чувства уважения Фалес дает достаточно оснований, хотя, может быть, больше как человек науки, чем как философ в современном смысле слова.

Фалес был уроженцем Милета в Малой Азии, процветающего торгового города. В этом городе было большое рабское население; среди свободного населения между богатыми и бедными имела место острая классовая борьба. «В Милете первое время победителем оказался народ, убивавший жен и детей аристократов; затем стали господствовать аристократы, которые сжигали живьем своих противников, освещая городские площади живыми факелами»²¹. Во времена Фалеса подобная обстановка сложилась в большинстве городов Малой Азии.

В течение VII и VI веков до н. э. Милет, подобно другим торговым ионийским городам, переживал значительное развитие в экономическом и политическом отношении. Находившаяся сначала в руках землевладельческой аристократии политическая власть постепенно перешла в руки купеческой плутократии. Последняя, в свою очередь, уступила место власти тирана, который (как это обычно было) добивался власти при поддержке демократической партии. Лидийское царство, лежавшее к востоку от греческих приморских городов, вплоть до падения Ниневии (612 год до н. э.) сохраняло с ними лишь дружеские отношения. Падение Ниневии развязало руки Лидии, и она смогла обратить теперь свое внимание на Запад, но в

²¹ М. Rostovtsev. History of the Ancient World. Vol. I, p. 204.

основном Милету удавалось сохранить дружеские отношения с этим соседним государством, особенно с последним лидийским царем Крезом, при котором Лидийское царство было завоевано Киром в 546 году до н. э. Греки также поддерживали значительные связи с Египтом, царь которого нуждался в греческих наемниках и открыл для греческой торговли некоторые города. Первым греческим поселением в Египте была крепость, занятая милетским гарнизоном; но в период 610–560 годов до н. э. наибольшее значение имел город Дафнэ. В этом городе нашли свое убежище, спасаясь от Навуходоносора (Иерем. 43; 5 и сл.), Иеремия и многие другие еврейские беженцы; но в то время как Египет, несомненно, оказывал влияние на греков, со стороны евреев такого влияния не было. Мы не можем представить себе, чтобы Иеремия чувствовал что-либо, кроме ужаса, по отношению к скептическим ионийцам.

Как говорилось выше, лучшим свидетельством, позволяющим определить время жизни Фалеса, является то, что этот философ прославился предсказанием солнечного затмения, которое, как говорят астрономы, произошло в 585 году до н. э. Другие данные, подобные приведенному свидетельству, вполне согласуются с тем, чтобы отнести деятельность Фалеса приблизительно к этому времени. Предсказание затмения не было свидетельством чрезвычайной гениальности Фалеса. Милет находился в союзнических отношениях с Лидией, поддерживавшей культурные связи с Вавилонией. Вавилонские же астрономы открыли, что затмения повторяются примерно через каждые 19 лет. Эти астрономы могли предсказать затмение луны вполне успешно, но, когда дело касалось солнечного затмения, их приводило в замешательство то обстоятельство, что затмение могло быть видимо в одном месте и невидимо в другом. Следовательно, они могли только знать, что в такое-то и такое-то время можно ожидать затмения, и это, вероятно, все, что знал Фалес. Ни он, ни вавилонские астрономы не понимали, чем обусловлена эта цикличность затмений.

Говорят, что Фалес предпринял поездку в Египет и привез оттуда для греков сведения по геометрии. Все познания египтян в области геометрии состояли главным образом в чисто эмпирических приемах. И нет оснований думать, что Фалес пришел к дедуктивным доказательствам, таким, например, которые были открыты греками позднее. Вероятно, Фалес открыл, как, исходя из наблюдений, сделанных из двух прибрежных пунктов, определить расстояние до корабля в море, а также как, зная длину тени пирамиды, найти ее высоту. Ему приписываются многие другие геометрические теоремы, но, по-видимому, ошибочно.

Фалес был одним из семи греческих мудрецов. Каждый из этих семи мудрецов прославился тем или другим мудрым высказыванием. Согласно традиции, высказывание Фалеса заключалось в том, что «вода есть наилучшее».

Как сообщает Аристотель, Фалес думал, что вода является первичной субстанцией, а все остальное образуется из нее, он утверждал также, что Земля покоится на воде. По свидетельству Аристотеля, Фалес говорил, что магнит обладает душой, потому что он притягивает железо; далее, что все вещи полны богов²².

Положение, что все возникло из воды, следует рассматривать в качестве научной гипотезы, а отнюдь не в качестве абсурдной гипотезы. Двадцать лет назад взгляд, что все состоит из водорода, который составляет две трети воды, был признанной точкой зрения.

Греки в своих гипотезах были слишком смелы, но милетская школа по крайней мере была готова испытать свои гипотезы эмпирически. О Фалесе известно слишком мало, чтобы иметь возможность вполне удовлетворительно восстановить его учение, но о его последователях в Милете известно значительно больше, поэтому разумно предположить, что кое-что содержащееся в их воззрениях перешло к ним от Фалеса. И наука и философия у Фалеса были грубы, но они были способны стимулировать как мысль, так и наблюдение.

²² Д. Барнет (*J. Burnet. Early Greek Philosophy*, p. 51) ставит это последнее высказывание под вопрос.

О Фалесе имеется много легенд, но не думаю, чтобы о нем было что-нибудь известно, помимо тех фактов, которые я упоминал. Некоторые из этих историй изумительны, например та, которую приводит Аристотель в своей «Политике»:

«Когда Фалеса попрекали его бедностью, так как-де занятия философией никакого барыша не приносят, то, рассказывают, Фалес, предвидя на основании астрономических данных богатый урожай оливок, еще до истечения зимы роздал накопленную им небольшую сумму денег в задаток владельцам всех маслобоен в Милете и на Хиосе; маслобойни Фалес законтрактовал дешево, так как никто с ним не конкурировал. Когда наступило время сбора оливок, начался внезапный спрос одновременно со стороны многих лиц на маслобойни. Фалес стал тогда отдавать на откуп законтрактованные им маслобойни за ту цену, за какую желал. Набрав таким образом много денег, Фалес доказал тем самым, что и философам при желании разбогатеть нетрудно, только не это дело составляет предмет их интересов».

Анаксимандр, второй философ милетской школы, гораздо более интересен, чем Фалес. Даты его жизни неопределенны, но, говорят, ему было 54 года в 546 году²³. Есть основания предполагать, что это близко к истине. Анаксимандр утверждал, что все вещи произошли из единой первичной субстанции, но это не вода, как думал Фалес, и не какая-либо другая известная нам субстанция. Первосубстанция бесконечна, вечна, вневременна и «объемлет все миры», ибо Анаксимандр считал наш мир лишь одним из многих. Первосубстанция превращается в различные известные нам субстанции, а те переходят друг в друга. По этому поводу Анаксимандр делает важное и знаменательное замечание:

«А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются, согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время».

Идея как космической, так и человеческой справедливости играет такую роль в греческой религии и философии, которую нелегко полностью понять нашему современнику. Действительно, само наше слово «справедливость» едва ли выражает ее значение, но трудно найти какое-либо другое слово, которому можно было бы отдать предпочтение. По-видимому, Анаксимандр выражает следующую мысль: вода, огонь и земля должны находиться в мире в определенной пропорции, но каждый элемент (понимаемый как Бог) вечно стремится расширить свои владения. Но имеется некоторого рода необходимость, или естественный закон, который постоянно восстанавливает равновесие. Там, где был, например, огонь, остается пепел, то есть земля. Это понятие справедливости – не переступать установленных от века границ – было одним из самых глубоких греческих убеждений. Как и люди, боги подчинены справедливости, но эта высшая сила сама не являлась личной силой, не была каким-то высшим Богом.

Анаксимандр основывал доказательство своего положения, согласно которому первосубстанция не может быть ни водой, ни каким-либо другим известным элементом, на следующем доводе: если бы один из элементов был основным, то он поглотил бы все остальные элементы. Аристотель нам сообщает, что Анаксимандр рассматривал эти известные ему элементы как стихии, находящиеся друг к другу в отношении противоположности. «Воздух холоден, вода влажна, огонь горяч». А потому, «если бы один из них [из этих элементов. – *Перев.*] был бесконечным, то остальные давно уже погибли бы». Следовательно, первичная субстанция должна быть нейтральной в этой космической борьбе.

Согласно Анаксимандру, существует вечное движение; в ходе этого движения произошло образование миров. Миры возникли не в результате творения, как это считается в иудейской или христианской теологиях, но в результате развития. И в животном царстве имела место эволюция. Живые существа возникли из влажного элемента, когда он подвергся выпариванию

²³ Возможный год выхода в свет первого греческого философского произведения – сочинения Анаксимандра «О природе». – *Прим. ред.*

солнцем. Как и все другие животные, человек произошел от рыб. Человек должен был произойти от существ другого рода, потому что благодаря характерному для него теперь долгому периоду младенчества при своем возникновении он никак не смог бы выжить.

Анаксимандр – чрезвычайно любопытная фигура в научном отношении. Говорят, что он первым из людей сделал карту. Он утверждал, что Земля имеет форму цилиндра. До нас дошли разнообразные свидетельства, согласно которым он считал Солнце то равным по размерам Земле, то превосходящим ее по величине в двадцать семь или двадцать восемь раз.

Везде, где Анаксимандр оригинален, его взгляды носят научный и рационалистический характер.

Анаксимен – последний из милетской триады – далеко не так интересен, как Анаксимандр, но он делает некоторый важный шаг вперед. Даты его жизни совершенно неопределенны. Несомненно, что он жил после Анаксимандра, и, по-видимому, расцвет его деятельности предшествовал 494 году до н. э., поскольку в этом году Милет был разрушен персами при подавлении ионийского восстания.

Анаксимен говорил, что главной субстанцией является воздух. Душа состоит из воздуха, огонь – разреженный воздух; сгущаясь, воздух становится сперва водой, затем, при дальнейшем сгущении, землей и наконец камнем. Эта теория имеет то достоинство, что она делает все различия между различными субстанциями количественными различиями, зависящими исключительно от степени сгущения.

Он полагал, что Земля по форме подобна круглому столу и что воздух все объемлет. «Подобно тому, – говорит он, – как душа наша, будучи воздухом, сдерживает нас, так дыхание и воздух объемлют весь мир». Кажется, что мир дышит.

Анаксимен вызывал в древности большее восхищение, чем Анаксимандр, хотя почти любое современное общество дало бы противоположную оценку. Он оказал значительное влияние на Пифагора, а также на многие последующие философские построения. Пифагорейцы открыли, что Земля шарообразна, но атомисты придерживались взгляда Анаксимена, согласно которому Земля имеет форму, подобную диску.

Милетская школа важна не своими достижениями, а своими исканиями. Эта школа была вызвана к существованию благодаря контакту греческого духа с Вавилонией и Египтом. Милет был богатым торговым городом; благодаря сношениям Милета со многими народами первобытные предрассудки и суеверия в этом городе были ослаблены. До того как Иония была в начале V века до н. э. покорена Дарием, она в культурном отношении являлась важнейшей частью эллинского мира. Религиозное движение, связанное с Вакхом и Орфеем, почти не затронуло ее; ее религия была олимпийской, но она, по-видимому, не принималась всерьез. Философские построения Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена следует рассматривать как научные гипотезы, и они редко испытывают на себе какие-либо неуместные влияния антропоморфных стремлений и нравственных идей. Поставленные ими вопросы заслуживали внимания, и их смелость воодушевила последующих исследователей.

Следующая стадия в развитии греческой философии, связанная с греческими городами в Южной Италии, более религиозна и, в частности, более орфична по своему характеру. В некоторых отношениях она более интересна; ее достижения более замечательны, но по своему духу она менее научна, чем милетская школа.

Глава III. Пифагор

Пифагор, чье влияние как в древнюю, так и в современную эпоху будет предметом рассмотрения настоящей главы, является в интеллектуальном отношении одним из наиболее значительных людей, когда-либо живших на земле, – и в том случае, когда он был мудр, и в том случае, когда таковым не был. Математика в смысле доказательного дедуктивного обоснования

начинается именно с Пифагора. У Пифагора она оказалась тесно связанной с особой формой мистицизма. Влияние математики на философию, связанное отчасти с именем этого философа, было с тех пор как благотворным (profound), так и бедственным явлением.

Начнем с того немногого, что известно о его жизни. Он был уроженцем острова Самоса, расцвет его деятельности приходится приблизительно на 532 год до н. э. Некоторые говорят, что он был сыном состоятельного гражданина по имени Мнесарх, другие же считают, что он был сыном бога Аполлона; я предоставляю читателю выбирать между двумя этими противоположными версиями. Во времена Пифагора островом Самос управлял тиран Поликрат, старый негодяй, обладатель бесчисленных богатств и громадного флота.

Самос был торговым соперником Милета; его купцы на своих судах заходили так далеко на Запад, что достигали Тартесса в Испании, который был знаменит своими рудниками. Поликрат стал тираном Самоса около 535 года до н. э. и правил до 515 года до н. э. Угрызения совести не очень мучили Поликрата. Он избавился от двух своих братьев, которые первое время соучаствовали в его тирании, а свой флот он в значительной мере использовал для пиратства. Поликрат извлек пользу из того обстоятельства, что незадолго перед этим Милет лишился самостоятельности вследствие персидского завоевания. Для того чтобы воспрепятствовать всякой дальнейшей экспансии персов на Запад, Поликрат вступил в союз с фараоном Египта Амасисом. Но когда персидский царь Камбис направил всю свою энергию на покорение Египта, Поликрат сообразил, что персы, вероятно, победят, и перекинулся на их сторону. Свой флот, экипажи которого состояли из его политических противников, он направил против Египта, но команды судов взбунтовались и повернули обратно на Самос, чтобы напасть на него. Поликрат одержал над ними победу, однако в конце концов пал жертвой вследствие вероломного использования его жадности. Персидский сатрап в Сардах представил дело так, что он намеревается восстать против «великого царя» и заплатил бы Поликрату большие суммы за помощь. Поликрат поехал на материк для объяснения, где был схвачен и распят.

Поликрат покровительствовал искусствам, он украсил Самос замечательными образцами общественных работ. В роли придворного поэта Поликрата выступал Анакреон. Пифагору не было, однако, по душе правление Поликрата, поэтому он покинул Самос. Говорят, что Пифагор побывал в Египте (и это правдоподобно), где почерпнул много мудрости, но, так или иначе, определенно известно, что Пифагор обосновался в конце концов в Кротоне – городе, расположенном в Южной Италии.

Греческие города в Южной Италии, подобно Самосу и Милету, были процветающими богатыми городами. Кроме того, им не угрожала опасность со стороны персов²⁴. Двумя крупнейшими городами Южной Италии были Сибарис и Кротон. Сибарис вошел в поговорку благодаря роскоши; в лучшие времена население Сибариса, по свидетельству Диодора, достигало почти 300 000 человек, хотя эта цифра, несомненно, является преувеличенной. Кротон был почти равен по величине Сибарису. Оба города процветали импортом в Италию ионийских изделий, которые отчасти здесь же и потреблялись, а отчасти вновь шли на экспорт с западного побережья в Галлию и Испанию. Различные греческие города в Италии жестоко воевали друг с другом. Когда Пифагор прибыл в Кротон, этот город только что потерпел поражение от Локр. Однако вскоре после приезда Пифагора Кротон одержал полную победу в войне против Сибариса, который вследствие этого был совершенно разрушен (510 год до н. э.). Сибарис поддерживал тесные торговые связи с Милетом. Кротон прославился своей медицинской школой; некий Демокед из Кротона стал придворным врачом Поликрата, а затем Дария.

В Кротоне Пифагор основал из своих учеников союз, который пользовался в течение некоторого времени влиянием в этом городе. Но, в конце концов, граждане города выступили

²⁴ Греческим городам в Сицилии угрожали карфагеняне, но в Италии эта опасность не ощущалась как непосредственная угроза.

против Пифагора, и он переехал в Метапонт (тоже в Южной Италии), где и умер. Вскоре Пифагор становится мифической фигурой: ему стали приписывать чудеса и магические способности; кроме того, Пифагор явился основателем школы математиков²⁵. Таким образом, две противоположные традиции ведут вокруг его имени спор, и трудно выделить истину.

Пифагор является одной из наиболее интересных и загадочных личностей в истории. Не только традиционные представления о его деятельности являют собой почти неразложимую смесь истины и лжи, но даже в своей самой простой и наименее спорной форме эти представления рисуют нам довольно странный характер, каким обладал Пифагор. Пифагора можно коротко охарактеризовать, сказав, что он соединяет в себе черты Эйнштейна и миссис Эдди²⁶. Пифагор основал религию, главные положения которой состояли в учении о переселении душ²⁷ и греховности употребления в пищу бобов. Религия Пифагора нашла свое воплощение в особом религиозном ордене, который то тут, то там приобретал контроль над государством и устанавливал правление своих святых. Но те, которые не были возрождены новой верой, жаждали бобов и рано или поздно восставали.

Вот некоторые предписания пифагорейского ордена:

1. Воздерживайся от употребления в пищу бобов.
2. Не поднимай то, что упало.
3. Не прикасайся к белому петуху.
4. Не ломай хлеба.
5. Не шагай через перекладину.
6. Не размешивай огонь железом.
7. Не откусывай от целой булки.
8. Не ощипывай венки.
9. Не сиди на мерке в одну квартиру.
10. Сердца не ешь.
11. Не ходи по большой дороге.
12. Не позволяй ласточкам жить под крышей.
13. Вынимая горшок из огня, не оставляй следа его на золе, но помешай золу.
14. Не смотри в зеркало около огня.
15. Когда встаешь с постели, сверни постельное белье и разгладь оставшиеся на нем следы твоего тела²⁸.

Все эти правила относятся к примитивным представлениям табу.

Корнфорд («От религии к философии») говорит, что, по его мнению, «школа Пифагора представляет собой главное течение в той мистической традиции, которую мы противопоставляем научной тенденции». Он рассматривает Парменида, которого считает «открывателем логики», как «ответвление пифагореизма и самого Платона – как человека, который нашел в итальянской философии главный источник своего вдохновения». Пифагореизм, говорит он, был движением реформы в орфизме, а орфизм был движением реформы в культе Диониса. Проходящая через всю историю противоположность между рациональным и мистическим впервые появляется у греков как противоположность между олимпийскими богами и теми другими, менее цивилизованными богами, которые имеют больше сходства с примитив-

²⁵ Аристотель говорит о нем, что он «сперва занимался науками и числами, впоследствии же, подражая Ферекиду, стал также чудотворцем».

²⁶ Эдди – основательница американской религиозной секты «Христианская наука»; главное положение этой секты состоит в том, что зло и болезни могут быть преодолены путем осознания их нереальности. – *Прим. перев.*

²⁷ Шут. Каково мнение Пифагора относительно дичи? Мальволю. Что душа нашей бабки может обитать в птице. Шут. Что ты мыслишь об этом мнении? Мальволю. Я мыслю о душе благородно и никоим образом не одобряю его мнения. Шут. Прощай. Пребывай во тьме. Пока ты не согласишься с мнением Пифагора, я не признаю тебя в уме; и смотри не убей кулика, чтобы не обездолить души твоей бабки. Прощай. (См. *У. Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно*. М., 1953, с. 72.)

²⁸ Цит. по: *J. Burnet. Early Greek Philosophy*; см. также: Фрагменты ранних греческих философов, с. 138–149.

ными верованиями, представляющими собой предмет рассмотрения антропологов. При этом разделении Пифагор стоит на стороне мистицизма, хотя его мистицизм был специфически интеллектуального рода. Пифагор приписывал себе полубожественный характер и, по-видимому, говорил: «разумные живые существа подразделяются на [три вида]: люди, боги и существа, подобные Пифагору»²⁹. «Все системы, вдохновленные Пифагором, говорит Корнфорд, стремятся к потусторонности; они относят все ценности к невидимому единству в Боге и проклинаят видимый мир как ложный и иллюзорный, как мутную среду, в которой лучи божественного света преломляются и рассеиваются среди тьмы и тумана».

Как говорит Дикеарх, Пифагор учил, «во-первых, что душа бессмертна, во-вторых, что она переселяется в другие виды животных, в-третьих, что все, что некогда произошло, через определенные периоды [времени] происходит снова, а нового нет абсолютно ничего, и в [четвертых], что все живые существа... следует считать родственными друг другу»³⁰. Говорят, что Пифагор, подобно святому Франциску, произносил перед животными проповеди.

В организованное им общество на равных условиях принимались и мужчины и женщины; все члены общества владели собственностью сообща и вели одинаковый образ жизни. Точно так же научные и математические открытия считались коллективными и мистическим образом приписывались Пифагору даже после его смерти. Гиппас из Метапонта, нарушивший это правило, потерпел кораблекрушение от божественного гнева, вызванного его неблагочестивостью.

Но какое отношение имеет все это к математике? Через этику математика оказывается связанной с прославлением созерцательного образа жизни. Барнет следующим образом резюмирует эту этику:

«Мы в этом мире странники, наше тело – гробница души, тем не менее мы не должны пытаться в самоубийстве искать средства выхода из этого мира, ведь мы все в руках Бога, Он наш пастырь, и без Его приказа мы не имеем права покидать этот мир. Три сорта людей существует в этом мире, их можно сравнить с тремя категориями людей, приходящих на Олимпийские игры. Низший класс состоит из тех, кто приходит покупать и продавать, следующий, повыше, из тех, кто состязается. Но лучше всех, однако, те, кто приходит просто смотреть. Именно беспристрастная наука является, следовательно, важнейшим из всех прочих средством очищения; и человек, посвятивший себя науке, – настоящий философ, он наиболее полно освобождается от “круговорота рождения”»³¹.

Изменения в значениях слов иногда очень поучительны. Выше я говорил о слове «оргия», теперь я хочу рассмотреть слово «теория». Это слово было первоначально орфическим словом, которое Корнфорд истолковывает как «страстное и сочувственное созерцание». В этом состоянии, говорит Корнфорд, «зритель отождествляет себя со страдающим Богом, умирает с его смертью и рождается снова вместе с его возрождением». Пифагор понимал «страстное и сочувственное созерцание» как интеллектуальное созерцание, к которому мы прибегаем также в математическом познании. Таким образом, благодаря пифагореизму слово «теория» постепенно приобрело свое теперешнее значение, но для всех тех, кто был вдохновлен Пифагором, оно сохранило в себе элемент экстатического откровения. Это может показаться странным для тех, кто немного и весьма неохотно изучал математику в школе, но тем, кто испытал опьяняющую радость неожиданного понимания, которую время от времени приносит математика тем, кто любит ее, пифагорейский взгляд покажется совершенно естественным, даже если он не соответствует истине. Легко может показаться, что эмпирический философ – раб исследуемого материала, но чистый математик, как и музыкант, – свободный творец собственного мира упорядоченной красоты.

²⁹ Фрагменты ранних греческих философов, с. 141.

³⁰ Там же, с. 143.

³¹ J. Burnet. Early Greek Philosophy, p. 108.

В барнетовском описании пифагорейской этики интересно отметить противоположность ее современным оценкам. Например, на футбольном матче люди, мыслящие по-современному, считают, что игроки гораздо важнее простых зрителей. Эти люди подобным же образом относятся и к государству: они больше восхищаются такими политиками, которые являются конкурентами в политической игре, нежели теми людьми, которые являются только зрителями. Эта переоценка ценностей связана с изменением социальной системы: воин, благородный, плутocrat и диктатор – каждый имеет свои собственные нормы добра и истины. В философской теории тип благородного сохранялся довольно долго, потому что этот тип был связан с греческим гением, потому что добродетель созерцательности получила теологическое одобрение, потому что идеал познания беспристрастной истины отождествлялся с академической жизнью. Благородный должен быть определен как член общества равных, которые живут плодами рабского труда или, во всяком случае, плодами труда людей, чье более низкое положение не вызывает сомнений. Необходимо заметить, что под это определение подходят и святой и мудрец, поскольку эти люди живут скорее созерцательной, чем активной жизнью.

Современные определения истины, которые даются, например, прагматизмом или инструментализмом – скорее практическими, чем созерцательными учениями, – являются продуктом индустриализма в его противоположности аристократизму.

Что бы мы ни думали о социальной системе, которая относится терпимо к рабству, мы обязаны чистой математикой благородным в вышеупомянутом смысле слова. Идеал созерцательной жизни, поскольку он вел к созданию чистой математики, оказался источником полезной деятельности. Это обстоятельство увеличило престиж самого этого идеала, оно принесло ему успех в области теологии, этики и философии, успех, которого в противном случае могло бы и не быть.

Так обстоит дело с объяснением двух сторон деятельности Пифагора: Пифагора как религиозного пророка и Пифагора как чистого математика. В обоих отношениях его влияние неизмеримо, и эти две стороны не были столь самостоятельны, как это может представляться современному сознанию.

При своем возникновении большинство наук было связано с некоторыми формами ложных верований, которые придавали наукам фиктивную ценность. Астрономия была связана с астрологией, химия – с алхимией. Математика же была связана с более утонченным типом заблуждений. Математическое знание казалось определенным, точным и применимым к реальному миру; более того, казалось, что это знание получали, исходя из чистого размышления, не прибегая к наблюдению. Поэтому стали думать, что оно дает нам идеал знания, по сравнению с которым будничное эмпирическое знание несостоятельно. На основе математики было сделано предположение, что мысль выше чувства, интуиция выше наблюдения. Если же чувственный мир не укладывается в математические рамки, то тем хуже для этого чувственного мира. И вот всевозможными способами начали отыскивать методы исследования, наиболее близкие к математическому идеалу. Полученные в результате этого концепции стали источником многих ошибочных взглядов в метафизике и теории познания. Эта форма философии начинается с Пифагора.

Как известно, Пифагор говорил, что «все вещи суть числа». Если это положение истолковать в современном духе, то в логическом отношении оно кажется бессмыслицей. Но то, что понимал под этим положением Пифагор, – не совсем бессмыслица. Пифагор открыл, что число имеет большое значение в музыке; об установленной им связи между музыкой и арифметикой напоминают до сих пор такие математические выражения, как «гармоническое среднее» и «гармоническая прогрессия». В его представлении числа, наподобие чисел на игральном косте или картах, обладают формой. Мы все еще говорим о квадратах и кубах чисел, и этими терминами мы обязаны Пифагору. Пифагор точно так же говорил о продолговатых, треугольных, пирамидальных числах и т. д. Это были числа горстей гальки (или, более естественно

для нас, числа горстей дроби), требуемые для образования формы. Пифагор, очевидно, полагал, что мир состоит из атомов, что тела построены из молекул, состоящих в свою очередь из атомов, упорядоченных в различные формы. Таким образом, он надеялся сделать арифметику научной основой в физике, так же как и в эстетике.

Положение, согласно которому сумма квадратов сторон прямоугольного треугольника, прилежащих к прямому углу, равна квадрату третьей стороны – гипотенузы, было величайшим открытием Пифагора или его непосредственных учеников. Египтяне знали, что треугольник, стороны которого равны 3, 4 или 5, является прямоугольным, но, очевидно, греки первыми заметили, что $3^2 + 4^2 = 5^2$ и, исходя из этого предположения, открыли доказательство общей теоремы.

К несчастью для Пифагора, эта его теорема сразу же привела к открытию несоизмеримости, а это явление опровергало всю его философию. В прямоугольном равнобедренном треугольнике квадрат гипотенузы равен удвоенному квадрату любой из сторон. Предположим, что каждый катет равен одному дюйму; какова в таком случае длина гипотенузы? Допустим, что ее длина равна m/n дюймов. Тогда $m^2/n^2 = 2$. Если m и n имеют общий множитель, разделим их на него. В таком случае по крайней мере или m , или n должно быть нечетным. Но теперь учтем, что раз $m^2 = 2n^2$, следовательно, m^2 – четное и, стало быть, m – четное, а n – нечетное. В таком случае предположим, что $m = 2p$. Тогда $4p^2 = 2n^2$, следовательно, $n^2 = 2p^2$, следовательно, n – четное, что противоречит допущению. Поэтому гипотенузу нельзя измерить дробным числом m/n . Это доказательство является, по существу, доказательством, которое приводится у Евклида в книге X³².

Это доказательство говорит о том, что, какую бы единицу длины мы ни выбрали, существуют отрезки, которые не находятся в точном числовом отношении к этой единице, то есть что нет таких двух целых чисел m и n , при которых рассматриваемый отрезок, взятый m раз, был бы равен единице длины, взятой n раз. Это положение привело греческих математиков к мысли, что геометрию следует развивать независимо от математики. Некоторые места в платоновских диалогах показывают, что в его время была принята независимая от арифметики трактовка геометрии; этот принцип получил свое завершение у Евклида. В книге II Евклид доказывает геометрически многое из того, что для нас естественнее было бы доказывать алгебраически, например, что $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$. Евклид счел этот способ необходимым именно благодаря трудностям, связанным с несоизмеримостью величин. То же самое наблюдается и в толковании Евклидом пропорции в книгах V и VI. Вся система Евклида превосходна в логическом отношении, и она предвосхитила математическую строгость выводов математиков XIX века. Поскольку адекватной арифметической теории несоизмеримых величин не существовало, метод Евклида был наилучшим из возможных в геометрии методов. Когда Декарт ввел координаты в геометрию, снова вернув тем самым арифметике верховенство, он сделал предположение, что разрешение проблемы несоизмеримости вполне возможно, хотя в его время такое решение еще не было найдено.

Влияние геометрии на философию и научный метод было глубоким. Геометрия в таком виде, в каком она установилась у греков, отправляется от аксиом, которые являются самоочевидными (или полагаются таковыми), и через дедуктивные рассуждения приходит к теоремам, которые весьма далеки от самоочевидности. При этом утверждают, что аксиомы и теоремы являются истинными применительно к действительному пространству, которое является чем-то данным в опыте. Поэтому кажется возможным, используя дедукцию, совершать открытия, относящиеся к действительному миру, исходя из того, что является самоочевидным. Подобная точка зрения оказала влияние как на Платона и Канта, так и на многих других философов,

³² Однако это доказательство не принадлежит самому Евклиду. См.: *Th. Heath. Greek Mathematics*. Вышеприведенное доказательство, вероятно, было известно еще Платону.

стоявших между ними. Когда Декларация независимости говорит: «Мы утверждаем, что эти истины самоочевидны», – она следует образцу Евклида. Распространенная в XVIII веке доктрина о естественных правах человека является поиском евклидовых аксиом в области политики³³.

Форма ньютоновского произведения «Начала», несмотря на его общепризнанный эмпирический материал, целиком определяется влиянием Евклида. Теология в своих наиболее точных схоластических формах обязана своим стилем тому же источнику. Личная религия ведет свое начало от экстаза, теология – из математики; и то и другое можно найти у Пифагора.

Я полагаю, что математика является главным источником веры в вечную и точную истину, как и в сверхчувственный интеллигибельный мир. Геометрия имеет дело с точными окружностями, но ни один чувственный объект не является *точно* круглым; и как бы мы тщательно ни применяли наш циркуль, окружности всегда будут до некоторой степени несовершенными и неправильными. Это наталкивает на предположение, что всякое точное размышление имеет дело с идеалом, противостоящим чувственным объектам. Естественно сделать еще один шаг вперед и доказывать, что мысль благороднее чувства, а объекты мысли более реальны, чем объекты чувственного восприятия. Мистические доктрины по поводу соотношения времени и вечности также получают поддержку от чистой математики, ибо математические объекты, например числа (если они вообще реальны), являются вечными и вневременными. А подобные вечные объекты могут в свою очередь быть истолкованы как мысли Бога. Отсюда платоновская доктрина, согласно которой Бог является геометром, а также представление сэра Джеймса Джинса о том, что Бог предается арифметическим занятиям. Со времени Пифагора, а особенно Платона, рационалистическая религия, являющаяся противоположностью религии откровения, находилась под полным влиянием математики и математического метода.

Начавшееся с Пифагора сочетание математики и теологии характерно для религиозной философии Греции, Средневековья и Нового времени вплоть до Канта. До Пифагора орфизм был аналогичен азиатским мистическим религиям. Но для Платона, св. Августина, Фомы Аквинского, Декарта, Спинозы и Канта характерно тесное сочетание религии и рассуждения, морального вдохновения и логического восхищения тем, что является вневременным, – сочетание, которое начинается с Пифагора и которое отличает интеллектуализированную теологию Европы от более откровенного мистицизма Азии. Только в самое последнее время стало возможным ясно сказать, в чем состояла ошибка Пифагора. И я не знаю другого человека, который был бы столь влиятельным в области мышления, как Пифагор. Я говорю так потому, что кажущееся платонизмом оказывается при ближайшем анализе в сущности пифагореизмом. С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам. Если бы не он, то христиане не учили бы о Христе как о Слове; если бы не он, теологи не искали бы логических *доказательств* бытия Бога и бессмертия. У Пифагора все это дано еще в скрытой форме. Как это стало явным, будет показано в дальнейшем.

Глава IV. Гераклит

В настоящее время имеют распространение две противоположные точки зрения на греков. Сторонники одной точки зрения – практически общепризнанной со времен Возрождения и вплоть до наших дней – смотрят на греков почти с суеверной почтительностью, как на изобретателей всего того, что имеется наилучшего, как на людей сверхчеловеческой гениальности, сравняться с которыми современные люди не могут и надеяться. Приверженцы другой точки зрения, вдохновленные торжеством науки и оптимистической верой в прогресс, считают авторитет древних кошмаром и утверждают, что теперь лучше всего предать забвению боль-

³³ Джефферсоновское «священное и неотъемлемое» было заменено Франклином на «самоочевидное».

шую часть их вклада в человеческую мысль. Я сам не могу принять ни одной из этих крайних точек зрения. Я должен сказать, что каждая из них частично правильна, а частично ложна. Прежде чем входить в какие-либо подробности, я попытаюсь рассказать, какого рода мудрости мы можем еще научиться при рассмотрении греческой мысли.

Что касается природы и строения мира, то возможны самые различные гипотезы. Прогресс в метафизике, поскольку он имел место, состоял в постепенном усовершенствовании всех этих гипотез, в развитии того, что в них подразумевалось, и в их переработке для опровержения возражений, выдвигаемых приверженцами соперничающих гипотез. Научиться понимать Вселенную в соответствии с каждой из этих систем – наслаждение для воображения и в то же время противоядие от догматизма. Более того, даже если ни одна из гипотез не может быть доказана, истинное значение состоит в том, чтобы открыть тот заключенный в них элемент, который делает каждую из них логически последовательной в себе и согласующейся с известными фактами. Так вот, почти все гипотезы, господствующие в современной философии, первоначально были выдвинуты греками. Их богатая воображением изобретательность в абстрактных вопросах едва ли может быть переоценена. Во всем, что я буду говорить о греках, я буду руководствоваться главным образом этой точкой зрения. Я буду считать их родоначальниками теорий, которые при всем своем первоначально довольно младенческом характере оказались способными к сохранению и развитию в течение более двух тысячелетий.

Греки сделали, правда, кое-что еще, что оказалось имеющим поистине наиболее устойчивую ценность для абстрактной мысли: они открыли математику и искусство дедуктивного рассуждения. В частности, геометрия – специфически греческое изобретение, и без нее современная наука была бы невозможна. Но в связи с математикой выявляется односторонность греческого гения: он размышляет дедуктивно, исходя из того, что кажется самоочевидным, а не индуктивно, сообразуясь с предметом наблюдения. Изумительные успехи греков в использовании этого метода ввели в заблуждение не только древний мир, но также и большую часть современного мира. Лишь весьма медленно научный метод, стремящийся индуктивно вывести принципы из наблюдений над отдельными фактами, вытеснил эллинскую веру в дедукцию из лучезарных аксиом, извлекаемых из ума философа. Поэтому, не говоря уже о других причинах, ошибочно относиться к грекам с суеверным почитанием. Научный метод, несмотря на то что греки были первыми, среди которых, хотя и у немногих, был намек на него, в целом чужд складу их ума, и попытка прославлять греков, умаляя интеллектуальный прогресс последних четырех столетий, оказывает тормозящее действие на развитие современной мысли.

Однако существует довод и более общего характера против слепого преклонения перед греками или кем бы то ни было еще. Правильное отношение к изучению того или иного философа состоит не в том, чтобы почитать или презирать его, но прежде всего в некоторого рода предрасположенности, дающей возможность понять, что именно склоняет к тому, чтобы верить в его теории, и только потом следует оживлять критическое отношение, которое должно напоминать, насколько это возможно, состояние ума той личности, которая отбрасывает мнения, отстаиваемые ею прежде. Презрение мешает первой части этого процесса, преклонение – второй. Следует при этом учитывать две вещи: надо помнить, что человек, чьи взгляды и теории заслуживают изучения, должен, по-видимому, обладать определенным умом, но надо также иметь в виду, что ни один человек не достигал, вероятно, полной и окончательной истины по какому бы то ни было вопросу. Когда умный человек выражает совершенно абсурдный с нашей точки зрения взгляд, мы не должны пытаться доказывать, что этот взгляд тем не менее является правильным, но нам следует попытаться понять, каким образом этот взгляд когда-то казался правильным. Это упражнение исторического и психологического воображения одновременно и расширяет сферу нашего мышления, и помогает нам понять, насколько глупыми многие из лелеемых нами предрассудков покажутся веку, обладающему другим складом ума.

Между Пифагором и Гераклитом, с которым мы будем иметь дело в этой главе, находится другой, менее значительный философ, а именно Ксенофан. Даты жизни Ксенофана неопределенны; они могут быть определены главным образом исходя из того обстоятельства, что он ссылается на Пифагора, а Гераклит ссылается на него. Ксенофан по рождению иониец, но большую часть своей жизни прожил в Южной Италии. Он полагал, что все вещи произошли из земли и воды. Что касается богов, то Ксенофан был очень настойчив в своем свободомыслии.

Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только
У людей позором считается или пороком:
Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать [тайно],
<...>
Но люди мнят, что боги были рождены,
Их же одежду имеют, и голос, и облик [такой же].
<...>
Если бы руки имели быки и львы или кони,
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди.
Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик.
Эфиопы... черными и с приплюснутыми носами,
Фракийцы – рыжими и голубоглазыми³⁴.

Ксенофан верил в единого Бога, который не похож на человека ни по своему образу мышления, ни по своему внешнему виду и который «...без труда, помышленьем ума он все потрясает»³⁵. Ксенофан высмеял пифагоровскую доктрину переселения душ:

Шел, говорят, он однажды, и видит – щенка избивают,
Жалостью охваченный, он слово такое изрек:
«Стой! Перестань его бить! В бедняге
Душу я опознал, визгу внимая ее»³⁶.

Ксенофан полагал, что в вопросах теологии невозможно установить истину.

Истины точной никто не узрел и никто не узнает
Из людей о богах и о всем, что я только толкую:
Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось,
Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает³⁷.

³⁴ Фрагменты ранних греческих философов, с. 141.

³⁵ Там же, с. 173.

³⁶ Там же, с. 170–171.

³⁷ Там же, с. 173.

Ксенофан занимает свое место в ряду рационалистов, протестовавших против мистических тенденций у Пифагора и других философов, но как самостоятельный мыслитель он не стоит в первых рядах.

Как мы видели, учение Пифагора очень трудно отличить от учений его последователей. Хотя Пифагор выступил весьма рано, влияние его школы начало сказываться лишь после распространения влияния многих других философов. Первым из них, кто создал теорию, которая все еще пользуется влиянием, был Гераклит. Расцвет его деятельности приходился приблизительно на 500 год до н. э. О его жизни известно очень мало – разве только то, что он, будучи гражданином Эфеса, принадлежал к его аристократии. Гераклит в древности обладал громадной известностью благодаря своему учению, что все находится в состоянии постоянного изменения, но это, как мы увидим, только одна сторона его метафизики.

Гераклит, хотя он и был ионийцем, не принадлежал к научной традиции милетской школы³⁸. Он был мистиком, но особого рода. Он рассматривал огонь как основную субстанцию; все, подобно пламени в костре, рождается благодаря чьей-либо смерти. «Бессмертные – смертны, смертные – бессмертны, смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают». В мире существует единство, но это единство образуется сочетанием противоположностей. «Из всего – одно, из одного – все», но многое имеет меньше реальности, чем единое, которое есть Бог.

Судя по сохранившимся отрывкам из его произведений, Гераклит, по-видимому, не обладал добродушным характером. Он был склонен к сарказму и представлял собой полную противоположность демократу. Относительно своих сограждан он говорит: «Правильно поступили бы эфесцы, если бы все они, сколько ни есть возмужалых, повесили друг друга и оставили город для несовершеннолетних, – они, изгнавшие Гермодора, мужа наилучшего среди них, со словами: “Да не будет среди нас никто наилучшим, если же таковой окажется, то пусть он живет в другом месте и среди других”». Он плохо отзывался обо всех известных своих предшественниках, за одним только исключением: «Гомер заслуживает того, чтобы быть изгнанным из общественных мест и быть высеченным розгами». «Никто из тех, чьи учения я слышал, не дошел до признания, что мудрое от всего отлично». «Многознание не научает быть умным, иначе бы оно научило Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея». «Пифагор... составил себе... свою мудрость: многознание и обман». Единственным исключением из этого приговора был Тевтам, говоря о котором Гераклит отмечает, что его «учение было лучше, чем у других». Если мы попытаемся найти причину этого восхваления, то найдем ее в высказывании Тевтама: «Многие – плохи».

Презрение к человечеству заставляет Гераклита думать, что только сила может принудить людей действовать в соответствии с их собственным благом. Он говорит: «Всякое животное направляется к корму бичом»; и снова: «Ослы золоту предпочли бы солому».

Как и следовало ожидать, Гераклит верит в войну. «Война, – говорит он, – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными». И еще: «Гомер был не прав, говоря: «Да исчезнет война среди людей и богов!» Он не понимал, что молится за гибель Вселенной; ибо, если бы его молитва была услышана, все вещи исчезли бы». И в другом месте: «Следует знать, что война всеобща и правда – борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости».

Этика Гераклита представляет собой некоторого рода гордый аскетизм, сильно напоминающий ницшеанский. Он рассматривает душу как смесь воды и огня: огонь – благородное начало, вода – низменное. Душу, где больше всего огня, он называет «сухой». «Сухое сияние – психея мудрейшая и наилучшая». «Услада душам стать влагою». «Невозмужалый отрок ведет

³⁸ Корнфорд (op. cit., p. 184) подчеркивает это, как мне кажется, правильно. Гераклита часто понимают ложно именно из-за включения его в число других ионийцев.

опьяневшего мужа, который шатается и не замечает, куда идет, ибо психея его влажна». «Психеям смерть стать водою». «С сердцем бороться трудно: всякое желание покушается ценою психеи». «Не лучше было бы людям, если бы исполнялось все, чего они желают». Можно сказать, что Гераклит высоко оценивает способность, достигаемую благодаря господству над собой, и презирает страсти, которые отвлекают людей от их главных целей.

Отношение Гераклита к современным ему религиям, во всяком случае к вакхической религии, большей частью враждебно, но это не враждебность научного рационалиста. У него была своя собственная религия, и он частично истолковывает ходячую теологию так, чтобы она соответствовала его учению, а частично отвергает ее с явным презрением. Его самого часто считали приверженцем вакхической религии (Корнфорд) и рассматривали как истолкователя мистерий (Пфлейдерер), но мне кажется, что соответствующие фрагменты не подтверждают этой точки зрения. Например, он говорит, что «ведь не священным образом совершаются посвящения в принятые у людей мистерии». Это наводит на мысль, что он имел в виду какие-то возможные мистерии, которые не были бы «несвященными», но которые были бы совершенно отличны от существовавших мистерий. Он был бы религиозным реформатором, если бы не презирал простонародье настолько, чтобы снизойти до религиозной пропаганды.

Привожу все сохранившиеся фрагменты Гераклита, которые раскрывают его отношение к современной ему теологии.

Государь, чей оракул находится в Дельфах, не говорит и не скрывает, но знаками указывает.

Сивилла неистовыми устами произносит угрюмое, неприкрашенное и неподмазанное, и речь ее звучит сквозь тысячелетия, ибо она побуждается божеством.

Психеи обоняют в Аиде.

Чем больше удел, тем больше и доля достается по жребию. (Те, кто умирает, затем становятся богами.)

Ночным бродягам, магам, вакхантам, менадам, мистам...

Ведь не священным образом совершаются посвящения в принятые у людей мистерии.

И этим статуям они молятся, как если бы кто-либо захотел разговаривать с домами; они не знают, каковы боги и герои.

Если бы не в честь Диониса они совершали шествия и пели фаллический гимн, они бы поступали бесстыднейшим образом. Дионис же, ради которого они неистовствуют в вакханалиях, тождествен Аиду.

Но напрасно они, запятнанные кровью, жертвоприношениями хотят очиститься, как если бы кто-либо, вступив в грязь, грязью пожелал бы обмываться. Безумным посчитал бы его человек, заметивший, что он так поступает.

Гераклит полагал, что огонь является изначальным элементом, из которого возникает все последующее. Фалес, как вы помните, думал, что все произошло из воды. Анаксимен считал, что воздух был первичным элементом. Гераклит же предпочел огонь. Наконец, Эмпедокл пошел на достойный государственного человека компромисс, принимая все четыре элемента: землю, огонь, воздух и воду. Химия древних остановилась на этой стадии развития. И дальнейшего прогресса в этой науке не наблюдалось до тех пор, пока магометанские алхимики не пустились на поиски философского камня, эликсира жизни и способа превращения неблагородных металлов в золото.

Гераклитова метафизика достаточно динамична, чтобы удовлетворять вкусам самых деятельных людей нового времени:

«Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим...»

«Превращения Огня: сначала – море, море же – наполовину земля, наполовину – ураган».

В подобном мире следует ожидать постоянного изменения, и постоянное изменение было тем, во что Гераклит верил.

У него, однако, была и другая доктрина, которой он придавал даже большее значение, чем идее вечного потока. Это была доктрина о слиянии противоположностей. «Они не понимают, – говорит Гераклит, – как расходящееся само с собой согласуется: возвращающаяся [к себе] гармония, как у лука и лиры». Его вера в борьбу связана с этой теорией, ибо в борьбе противоположности соединяются, чтобы породить движение, которое и есть гармония. В мире существует единство, но достигается это единство в результате различия:

«Связи: целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, согласное и разногласное, и из всего – одно, и из одного – все».

Иногда он говорит так, как если бы единство являлось более фундаментальным, чем различие:

«И добро, и зло [одно]».

«У Бога прекрасно все, и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое – справедливым».

«Путь вверх и вниз – один и тот же».

«[Бог]: день – ночь, зима – лето, война – мир, изобилие – голод [все противоположности. Этот ум] изменяется, подобно огню, который, смешиваясь с благовониями, называется различно, как различны удовольствия от каждого из них».

Тем не менее не было бы единства, не будь противоположностей, которые сочетаются: «Благо для нас противоположность».

Эта доктрина содержит в себе зародыш гегелевской философии, которая исходит из синтеза противоположностей.

В метафизике Гераклита, как и в метафизике Анаксимандра, господствовало понятие космической справедливости, которая предотвращает возможность того, чтобы борьба противоположностей когда-либо завершилась полной победой одной из сторон.

«На Огонь обменивается все, и Огонь – на все, как на золото – товары и на товары – золото».

«Огонь живет земли смертью, и воздух живет Огня смертью, вода живет воздуха смертью, земля – воды [смертью]».

«Солнце не перейдет своей меры, иначе его бы настигли Эринии, помощницы Правды».

«Следует знать, что война всеобща и Правда – борьба».

Гераклит неоднократно говорит о «Бог», как об отличном от «богов».

«Человеческий образ мыслей не обладает разумом, Божественный же обладает».

«Младенцем слывет муж для Божества, как мальчик – для мужа».

«Мудрейший из людей по сравнению с Богом покажется обезьяной».

«Прекраснейшая обезьяна отвратительна по сравнению с человеческим родом».

Несомненно, что «Бог» является воплощением космической справедливости.

Учение, что все находится в состоянии потока, – самое знаменитое из всех идей Гераклита, и оно больше всего подчеркивается его учениками, как это описывается в платоновском «Теэтете».

«В одну и ту же реку нельзя войти дважды»; «на входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды»³⁹.

³⁹ Но ср.: «В одну и ту же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем».

«Солнце... новое каждый день».

Его вера во всеобщее изменение, как обычно полагают, была выражена во фразе «все течет», но это, по-видимому, недостоверное положение, как и вашингтоновское: «Отец, я не могу солгать», – и веллингтоновское: «Встань, гвардия, и – на них!» Его работы, как и произведения всех философов до Платона, известны только благодаря цитатам, приводимым большей частью для опровержения Платоном и Аристотелем. Если представить, что стало бы с любым из современных философов, если бы он был известен только через полемику с ним его противников, становится ясным, насколько досократики должны были быть замечательны, что даже через туман злобы, распространяемый их врагами, они кажутся все же великими. Но как бы то ни было, Платон и Аристотель соглашались, что Гераклит учил, что «нет ничего вечного, все становится» (Платон) и что «нет ничего прочного» (Аристотель).

Я еще вернусь к рассмотрению этой доктрины в связи с взглядами Платона, который упорно старался ее опровергнуть. Теперь же я буду исследовать не то, что должна об этом сказать философия, а только то, что чувствовали поэты и чему учили люди науки.

Поиски чего-то вечного – один из глубочайших инстинктов, толкающих людей к философии. Он, несомненно, связан с любовью к дому и желанием найти убежище от опасности. Мы, соответственно, находим, что это стремление наиболее страстно выражено у тех, чья жизнь наиболее подвержена катастрофам. Религия ищет вечности в двух формах: в форме Бога и в форме бессмертия души. В Боге нет ни изменчивости, ни подобия круговорота. Жизнь после смерти вечна и неизменна. Бодрость XIX столетия восстановила людей против таких статических представлений, и современная либеральная теология полагает, что на небе имеет место прогресс, а в Божестве происходит эволюция. Но даже и в этом представлении есть нечто вечное, именно сам прогресс и его внутренняя цель. И некоторая доза несчастья, вероятно, возвратит людским надеждам их старую сверхземную форму: если жизнь на земле полна отчаяния, то только на небе может быть обретен мир.

Поэты сетовали на Время, которое уносит с собой каждый предмет их любви.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу,
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Они обычно добавляли, что их собственные стихи неразрушимы:

И еще века, надеюсь, будут жить стихи мои,
Превознося достоинства твои, вопреки руке его жестокой.

Но это только обычное литературное тщеславие.

Философски настроенные мистики, неспособные отрицать, что все временное преходяще, изобрели концепцию вечности не как чего-то постоянного в бесконечном времени, но как существующего вне всего временного процесса.

Вечная жизнь, согласно некоторым теологам, например Настоятелю Инге, означает не существование в каждый момент будущего времени, но способ бытия, полностью независимый от времени, в котором нет ни «позже», ни «раньше», а следовательно, нет логической возможности изменения. Эта точка зрения нашла свое поэтическое выражение у Вона:

Я видел Вечность той ночью,
Подобная кольцу великому чистого и бесконечного света,
Вся безмолвная, ибо – прозрачная;
А всюду под нею – Время в часах, днях и годах,
Влекомое сферами и,
Подобно громадной тени движимое, в котором мир
И все к нему относящееся вращалось.

В некоторых из наиболее известных философских систем содержится попытка выразить эту мысль в трезвой прозе, в них проповедуется, что терпеливый и последовательный разум заставит нас в конце концов верить.

Сам Гераклит, при всей своей вере в изменение, допускает *нечто* вечное. Понятие вечности (в качестве противоположного бесконечной длительности), которое приходит с Парменидом, не может быть найдено у Гераклита, но в его философии субстанциальный (central) огонь никогда не умирает: мир всегда «был, есть и будет вечно живым Огнем». Но огонь есть нечто постоянно изменяющееся, и его постоянство является скорее постоянством процесса, нежели постоянством субстанции, хотя этот взгляд совершенно не следует приписывать самому Гераклиту.

Подобно философии, наука пыталась избежать учения о вечном потоке, найдя некий вечный субстрат среди изменяющихся явлений. По-видимому, химия удовлетворяет этому требованию. Нашли, что огонь, который, казалось бы, разрушал, только превращает: элементы образуют новые комбинации, но каждый атом, который существовал до горения, продолжает существовать и после окончания процесса. Соответственно этому было сделано предположение, что атомы неразрушимы и что все изменения в физическом мире состоят просто в перераспределении неизменных атомов. Этот взгляд господствовал до открытия радиоактивности, когда было обнаружено, что атомы способны разлагаться.

Нимало не смутившись, физики изобрели новые и более мелкие единицы, названные электронами и протонами, из которых состоят атомы. В течение нескольких лет предполагалось, что эти частицы обладают той неразрушимостью, которая ранее приписывалась только атомам. Но, к несчастью, оказалось, что протоны и электроны могут сталкиваться и взрываться, образуя не новую материю, но волну энергии, распространяющуюся во Вселенной со скоростью света. Энергия должна была заменить материю в качестве некоего вечного начала. Но энергия, в отличие от материи, не является рафинированным выражением общераспространенного понятия «вещи», это просто характерная особенность физических процессов. Энергию можно при достаточной фантазии отождествить с Гераклитовым огнем, но это – горение, а не то, что горит. «Что горит» исчезло из современной физики.

Если перейти от малого к большому, то астрономия не позволяет нам более считать небесные тела вечными. Планеты возникли из Солнца, а Солнце произошло из туманности. Солнце существовало и будет еще существовать в течение некоторого времени, но рано или поздно, вероятно, через миллионы и миллионы лет, оно взорвется, разрушив все планеты и вернувшись в состояние сильно разреженного газа. Так по крайней мере говорят астрономы. Возможно, что с приближением рокового дня они найдут ошибки в своих расчетах.

Доктрина вечного потока, которую проповедовал Гераклит, мучительна, но наука, как мы видели, не может ее опровергнуть. Одной из главных целей философов было оживить надежды, которые наука, по-видимому, убила. Соответственно этому с большим упорством философы искали что-либо не подчиняющееся империи Времени. Эти поиски начинается еще Парменид.

Глава V. Парменид

Греки не были склонны к умеренности ни в своих теориях, ни в своей практике. Гераклит утверждал, что *все* изменяется. Парменид возразил, что *ничего* не изменяется. Парменид был уроженцем Элей, что в Южной Италии; расцвет его деятельности приходится на первую половину V века до н. э. Согласно Платону, Сократ в своей молодости (как говорят, около 450 года до н. э.) беседовал с Парменидом, в то время глубоким стариком, и многое почерпнул из этой беседы. Состоялась эта беседа или нет в действительности, мы не знаем, но по крайней мере мы можем сделать вывод, что сам Платон совершенно очевидно находился под влиянием учения Парменида. Южноитальянские и сицилийские философы были более склонны к мистицизму и религии, чем ионийские философы; последние в своей тенденции были в целом научны и скептичны. Но благодаря влиянию Пифагора математика более процветала в Великой Греции, чем в Ионии. Однако в то время математика запуталась в мистицизме. Парменид находился под влиянием Пифагора, но о силе этого влияния можно только предполагать. Историческое значение Парменида состояло в том, что он изобрел форму метафизической аргументации, которая в том или ином виде может быть обнаружена у большинства последующих метафизиков, включая Гегеля. Часто говорят, что Парменид изобрел логику, но в действительности он изобрел метафизику, основанную на логике.

Учение Парменида изложено в его поэме «О природе». Он считает чувства обманчивыми и рассматривает множество чувственных вещей как простую иллюзию. Единственное истинное бытие – бесконечное и неделимое «Единое». Оно не является, как у Гераклита, единством противоположностей, поскольку никаких противоположностей нет. Например, он, вероятно, думал, что «холод» означает только «не горячее», что «темное» означает только «не светлое». «Единое» понималось Парменидом не так, как мы понимаем Бога; он, по-видимому, мыслил его материальным и протяженным, ибо он говорит о нем как о шаре. Но Единое не может быть разделено, потому что оно в своей целостности находится всюду.

Парменид делит свое учение на две части, которые он соответственно называет «путь истины» и «путь мнения». Нам нет необходимости касаться последнего. Наиболее существенное, что сохранилось из его учения о «пути истины», состоит в следующем:

Одно, непрерывное...

Как и откуда оно выросло? Из не-сущего [«того, чего нет»]?

Этого я не разрешу

Тебе высказывать или мыслить, ибо нельзя ни высказать,
ни помыслить:

«Не есть»...

<...>

Каким образом то, что есть [~сущее-сейчас], могло бы быть
потом?

Каким образом оно могло бы быть-в-прошлом
[или: «стать»]?

Если оно «было» [или: «стало»], то оно не есть, равно как
если ему [лишь] некогда предстоит быть.

Так рождение угасло и гибель пропала без вести.

<...>

Одно и то же – мышление и то, о чем мысль,

Ибо без сущего, о котором она высказана.

Тебе не найти мышления. Ибо нет и не будет ничего,

Кроме сущего...⁴⁰

Сущность этого довода состоит в следующем.

Когда вы думаете, то думаете о *чем-либо*, когда вы употребляете какое-нибудь название, то это должно быть название *чего-либо*. Следовательно, и мышление и речь требуют объектов вне себя. И поскольку вы можете мыслить вещь или говорить о ней в любое время, то все, что может быть мыслимо или высказано, должно существовать всегда. Поэтому не может быть изменения, поскольку оно состоит в том, что вещи возникают или уничтожаются.

В философии это первый пример широкой аргументации от мысли и языка к миру в целом. Эту аргументацию нельзя, конечно, считать основательной, но в то же время стоит посмотреть, какой элемент истины она содержит.

Мы можем изложить эту аргументацию следующим образом: если язык не просто бессмыслица, то слова должны что-то значить. И в общем они должны обозначать не только другие слова, но нечто существующее независимо от того, говорим мы о нем или нет. Предположим, что мы, например, говорим о Джордже Вашингтоне. Если бы не было исторической личности, которая носила это имя, то оно (очевидно) было бы бессмысленным и содержащее это имя предложения также были бы бессмысленными. Из утверждения Парменида следует, что Джордж Вашингтон не только должен был существовать в прошлом, но в некотором смысле он должен существовать и в настоящем, раз мы еще можем значимо употреблять это имя. По-видимому, это совершенно ложно, но как нам обойти этот довод?

Возьмем воображаемую личность, например Гамлета. Рассмотрим положение: «Гамлет был принцем датским». В определенном смысле это истинно, но истинно не в прямом историческом смысле. Истинное утверждение таково: «Шекспир говорит, что Гамлет был принцем датским», – или более ясно: «Шекспир говорит, что был принц датский по имени Гамлет». Здесь уже нет ничего воображаемого: Шекспир, Дания и звук «Гамлет» – все это реально, но звук «Гамлет» не является на самом деле настоящим именем, поскольку никто в действительности не назывался Гамлетом. Если вы скажете, что «Гамлет» – это имя воображаемой личности, то, строго говоря, это неверно; вы должны были бы сказать: «Воображают, что «Гамлет» – имя действительной личности».

Гамлет – воображаемая личность, единороги – воображаемый вид животных. Некоторые предположения, в которых встречается слово «единорог», – истинны, а некоторые – ложны, но в любом случае не непосредственно. Рассмотрите утверждения: «единорог имеет один рог» и «корова имеет два рога». Чтобы доказать последнее, вы должны взглянуть на корову, ибо недостаточно сказать, что в некоторых книгах говорится, будто коровы имеют два рога. Но доказательство того, что «единороги имеют один рог», можно найти только в книгах, и фактически правильным будет положение: «В некоторых книгах утверждается, что имеются животные с одним рогом, называемые “единорогами”». Все утверждения о единорогах на самом деле являются утверждениями о *слове* “единорог”, так же как все утверждения о Гамлете на самом деле относятся к *слову* “Гамлет”».

Но очевидно, что в большинстве случаев мы высказываемся не о словах, а о том, что слова обозначают. И это опять возвращает нас к аргументу Парменида, что если слово может быть употреблено значимо, оно должно обозначать *нечто*, а не ничто, и следовательно, обозначаемое словом должно в известном смысле существовать.

Что же мы тогда должны сказать о Джордже Вашингтоне? По-видимому, мы имеем лишь две альтернативы: одна состоит в том, чтобы сказать, что он еще существует, другая – в том,

⁴⁰ Фрагменты ранних греческих философов, с. 290–291. Барнет замечает: «Смысл, как я думаю, таков: “Не может быть мысли, соответствующей названию, если это название не есть название чего-либо реального”».

чтобы сказать, что, когда *мы* употребляем слова «Джордж Вашингтон», мы на самом деле не говорим о человеке, носившем это имя. Обе альтернативы кажутся парадоксальными, но последняя менее парадоксальна, и я попытаюсь показать, в каком смысле она истинна.

Парменид полагает, что слова имеют постоянное значение. Это фактически основа его аргументации, которую он считает бесспорной. Но, хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание.

Сам Джордж Вашингтон мог употреблять свое имя и слово «я» как синонимы. Он мог воспринимать свои собственные мысли и движения своего тела и мог, следовательно, вкладывать в свое имя более полное содержание, чем кто-либо еще. В его присутствии друзья могли воспринимать движения его тела и угадывать его мысли; и для них имя «Джордж Вашингтон» еще значило нечто конкретное, данное в их личном опыте. После его смерти они должны были заместить восприятия воспоминаниями, что предполагает изменения в психических процессах, связанных с употреблением его имени. У нас, никогда не знавших его, психические процессы опять-таки носят иной характер. Мы можем подумать о его портрете и сказать себе: «Да, это тот самый человек». Мы можем думать о «первом президенте Соединенных Штатов». Если мы очень невежественны, то он для нас может быть просто «человеком, которого звали “Джордж Вашингтон”». Что бы ни говорило нам это имя, для нас оно все же не сам человек, поскольку мы никогда не знали его, но лишь нечто наличествующее в этот момент в памяти, чувстве или мысли. Это показывает ложность аргумента Парменида.

Постоянное изменение в значениях слов скрывается тем фактом, что в общем это изменение не вносит изменений в истинность или ложность предложений, в которых употребляются слова. Если вы возьмете любое истинное предложение, содержащее имя «Джордж Вашингтон», оно, как правило, останется истинным тогда, когда вы это имя замените выражением «первый президент Соединенных Штатов». Есть исключения из этого правила. До избрания Вашингтона человек мог сказать: «Я надеюсь, что Джордж Вашингтон будет первым президентом Соединенных Штатов», – но он не сказал бы: «Я надеюсь, что первый президент Соединенных Штатов будет первым президентом Соединенных Штатов», – если бы не пылал необыкновенной страстью к закону тождества. Тем не менее легко образовать правило для исключения этих исключительных случаев, а в тех, которые останутся, мы можем заменить слова «Джордж Вашингтон» любым описательным выражением, приложимым к нему одному. Именно только посредством таких фраз мы можем знать о нем то, что знаем.

Парменид утверждает, что, поскольку мы можем теперь знать то, что обычно считается прошлым, оно на самом деле не может быть прошлым, но в определенном смысле должно существовать и в настоящее время. Отсюда он делает вывод, что не существует такой вещи, как изменение. Этот аргумент преодолевается тем, что мы говорили о Джордже Вашингтоне. Могут сказать, что в определенном смысле у нас нет знания о прошлом. Когда мы что-нибудь вспоминаем, то воспоминания происходят в настоящее время и не тождественны с предметом воспоминания. Но воспоминание дает *описание* прошлого события, и для большинства практических целей нет необходимости различать между описанием и тем, что им описывается.

В целом этот довод показывает, как легко делать метафизические выводы, исходя из языка, и что единственным средством избежания ложных доводов этого рода должно быть более широкое логическое и психологическое исследование языка, нежели то, которое проделано большинством метафизиков.

Однако я думаю, если бы Парменид мог воскреснуть из мертвых и прочесть только что сказанное о нем, он счел бы это весьма поверхностным. «Откуда вам известно, – сказал бы он, – что ваши положения о Джордже Вашингтоне относятся к прошлому? Согласно собственным вашим рассуждениям, прямое указание возможно только на вещи, существующие в настоящее

время. Например, ваши воспоминания происходят в настоящем, а не в то время, о котором вы думаете, когда вспоминаете. Если память считать источником знания, то прошлое должно быть перед сознанием в *настоящем* и в известном смысле должно еще существовать».

Я не буду сейчас пытаться опровергать этот аргумент, так как это потребовало бы обсуждения проблемы памяти – предмета очень сложного. Я привел здесь этот аргумент для того, чтобы напомнить читателю, что философские теории, если они значительны, могут, вообще говоря, возрождаться в новой форме после того, как в своем первоначальном варианте они были отброшены. Опровержения редко бывают окончательными; в большинстве случаев они знаменуют собой только начало дальнейших усовершенствований.

Последующая философия, включая и философию самого новейшего времени, восприняла от Парменида не учение о невозможности всякого изменения, которое было слишком невероятным парадоксом, но учение о неразрушимости *субстанции*. Слово «субстанция» еще не употребляется его непосредственными преемниками, но соответствующее ему *понятие* уже присутствует в их рассуждениях. Под субстанцией стали понимать постоянный (persistent) субъект различных предикатов. В этом своем значении она была и остается в течение более двух тысяч лет одним из главных понятий философии, психологии, физики и теологии. Подробнее я скажу об этом ниже. Теперь же я просто хочу заметить, что это понятие было введено, чтобы отдать должное аргументам Парменида и в то же время не противоречить очевидным фактам.

Глава VI. Эмпедокл

Смесь философа, пророка, человека науки и шарлатана, уже встречавшаяся нами в лице Пифагора, нашла свое весьма полное воплощение в Эмпедокле, расцвет деятельности которого приходился примерно на 440 год до н. э. Он, таким образом, был младшим современником Парменида, хотя его учение в некоторых отношениях имело больше сходства с учением Гераклита. Эмпедокл был гражданином города Акраганта, на южном берегу Сицилии; он являлся демократическим политическим деятелем, хотя претендовал в то же время на божественность своей личности. В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции – Персией на Востоке и Карфагеном на Западе. Эмпедокл в свое время также был изгнан, но он, по-видимому, после своего изгнания предпочел карьеру святого карьере интригующего изгнанника. Возможно, что в юности он в той или иной степени находился под влиянием орфизма; до своего изгнания он сочетал занятия политикой и наукой; и только на склоне жизни, в изгнании, он стал пророком.

Об Эмпедокле рассказывалось много легенд. Полагали, что иногда при помощи магии, а иногда при помощи научного знания он творил чудеса или то, что казалось таковыми. Говорят, что он мог управлять ветрами; он вернул к жизни женщину, казавшуюся мертвой в течение тридцати дней. Говорят, наконец, что он умер, прыгнув в кратер Этны, чтобы доказать свою божественность. Как говорит поэт:

Великий Эмпедокл, с пылкой душой,
Прыгнул в Этну и изжарился целиком.

На эту тему Мэтью Арнольд написал поэму, но, хотя она принадлежит к наихудшему из того, что им написано, в ней не содержится вышеприведенного двусушия.

Как и Парменид, Эмпедокл писал стихами. Лукреций, на которого Эмпедокл оказал влияние, высоко ценил последнего как поэта, но на этот счет мнения расходятся. Поскольку от произведений Эмпедокла сохранились только фрагменты, его поэтические заслуги должны оставаться под сомнением.

Науку и религию Эмпедокла необходимо рассматривать в отдельности, ибо они не согласуются друг с другом. Вначале я рассмотрю его науку, затем философию и в конце – религию.

Наиболее крупным его вкладом в науку было открытие воздуха как особой субстанции. Это он доказал наблюдением, что, когда ведро или иной подобный сосуд погружается кверху дном в воду, вода в него не проникает. Эмпедокл говорит:

...Так девочка
Играет в клепсидру [– черпак] из блестящей бронзы.
Когда, заткнув красивой рукой отверстие трубки,
Она окунает [клепсидру] в мягкое тело серебристой воды,
То в сосуд не проникает ни капли воды – ее не пускает
Масса воздуха, изнутри навалившаяся на частые дырочки, –
Доколе [девочка] не откупорит сжатый поток [воздуха];
зато после этого,
Поскольку воздух отсутствует, [в клепсидру] входит должная
мера воды⁴¹.

Этот отрывок находится в том месте, где объясняется природа дыхания.

Эмпедокл также открыл по крайней мере один случай центробежной силы: если чашу с водой вращать на конце веревки, вода не выльется.

Он знал, что растения имеют пол. У него была теория (надо признать, что несколько фантастическая) эволюции и выживания наиболее приспособленных. Первоначально:

И от их смешения отливались [выплавливались] мириады племен смертных [существ],
Уснащенных всевозможными формами – чудо на вид!⁴²

Там были головы без ушей, руки без плеч, глаза без лбов, отдельные конечности, стремящиеся соединиться. Все это соединялось как попало; там были неуклюжие создания с бесчисленными руками, существа с лицом и грудью, обращенными в разные стороны, существа с туловищем быка и лицом человека, а другие существа – с туловищем человека и мордой быка. Были гермафродиты, сочетающие в себе женскую и мужскую природу, но бесплодные. В конце концов выжили только некоторые формы.

Что касается астрономии, то он знал, что Луна светит отраженным светом, и полагал, что это верно также и относительно Солнца. Он говорил, что для распространения света требуется определенное время, но это время настолько мало, что мы не можем его заметить; ему было известно, что солнечное затмение вызывается прохождением Луны между Солнцем и Землей; последнее он, по-видимому, узнал от Анаксагора.

Он был основателем итальянской школы медицины; эта медицинская школа, которая начинается с него, впоследствии оказала влияние на Платона и Аристотеля. Согласно Барнету, она оказала воздействие на всю направленность научного и философского мышления.

⁴¹ Фрагменты ранних греческих философов, с. 390.

⁴² Там же, с. 359.

Все это свидетельствует о такой научной энергии того времени, которая не имела себе равных в более поздние века греческой истории.

Перехожу теперь к его космологии. Как уже упоминалось, именно он стал считать землю, огонь, воздух и воду четырьмя элементами (хотя само слово «элемент» им не употреблялось). Каждый из элементов был вечным, но они могли смешиваться в различных пропорциях и, таким образом, порождать встречающиеся в мире изменчивые сложные субстанции. Элементы соединялись Любовью и разделялись Враждой. Для Эмпедокла Любовь и Вражда – первичные субстанции наряду с землей, воздухом, огнем и водой. В одни периоды преобладала Любовь, в другие – Вражда. Существовал некогда Золотой век, когда безраздельно господствовала Любовь. В этот век люди поклонялись только кипрской Афродите. Изменения в мире определяются не какой-либо целью, но только Случайностью и Необходимостью. Развитие происходит по кругу: когда элементы полностью смешаны Любовью, Вражда постепенно снова разделяет их, когда же Вражда их разделит, Любовь вновь начинает их постепенно соединять. Таким образом, всякая сложная субстанция преходяща, только элементы вместе с Враждой и Любовью вечны.

Это напоминает Гераклита, но в смягченной форме, так как не одна Вражда, но Вражда и Любовь в совокупности производят перемену. Платон связывает Гераклита с Эмпедоклом в «Софисте»:

«Позднее некоторые ионийские и сицилийские Музы сообразили, что всего безопаснее объединить и то и другое и заявить, что бытие и множественно и едино и что оно держится враждою и дружою. «Расходящееся всегда сходится», – говорят более строгие из Муз; более же уступчивые всегда допускали, что все бывает поочередно то единым и любимым Афродитой, то множественным и враждебным с самим собою вследствие какого-то раздора»⁴³.

Эмпедокл утверждал, что материальный мир шарообразен: в Золотой век Вражда была снаружи, а Любовь – внутри; затем постепенно в мир вошла Вражда, и Любовь была изгнана, пока в наихудшее время Любовь целиком не окажется вне шара, а Вражда – целиком внутри его. Затем – хотя причина этого не ясна – начинается противоположное движение, пока не возвращается (отнюдь не навсегда) Золотой век. Весь цикл затем повторяется снова. Могут вообразить, что каждая стадия могла бы быть устойчивой, но это не является точкой зрения Эмпедокла. Он хотел объяснить движение, учитывая аргументы Парменида, но он не хотел, ни на какой стадии, прибыть к неизменной Вселенной.

Взгляды Эмпедокла на религию в основном были пифагорейскими. Во фрагменте, в котором, по всей вероятности, речь идет о Пифагоре, он говорит:

Был среди них некий муж, обладавший чрезвычайными
познаниями,
Который стяжал величайшее богатство ума,
И особенно искушенный в разного рода мудрых делах.
Стоило ему устремиться [~ пожелать] всеми силами ума,
Как он с легкостью видел каждую из всех сущих [вещей]
И за десять, и за двадцать человеческих веков⁴⁴.

В Золотой век, как уже говорилось, люди поклонялись только Афродите.

⁴³ Платон. Сочинения. М., 1970. Т. 2, с. 359.

⁴⁴ Фрагменты ранних греческих философов, с. 408–409.

А чистой кровью не окроплялся алтарь,
Но было это величайшей скверной среди людей:
Вырвав жизнь, поедать благородные члены⁴⁵.

Однажды он говорил о себе цветисто, как о Боге:

Друзья! Вы, что живете в большом городе на берегах
золотистого Акраганта,
На самом акрополе, радеющие о добрых делах,
Вы – почтенные гавани для чужестранцев,
не ведающие худа,
Привет вам! А я – уже не человек, но бессмертный бог
для вас –
Шествую, почитаемый всеми как положено,
Перевитый лентами и зеленеющими венками:
Ими – едва лишь я прихожу в цветущие города –
Почитают меня мужчины и женщины. Они следуют за мной –
Тьмы и тьмы – чтобы выпросить, где тропа к пользе:
Одним нужны предсказания, другие по поводу болезней
Всевозможных спрашивают, чтобы услышать целительное
слово,
Давно уже терзаемые тяжкими муками.
Да, что я напирал на это? Будто я делаю что-то важное,
Если превосхожу смертных, гибнущих от множества
напастей людей⁴⁶.

В другой раз он чувствует себя великим грешником, искупающим свою нечестивость:
Есть оракул [рок] Необходимости (Ананкэ),
древнее постановление богов,
Вечное, скрепленное, словно печатью, пространными клятвами:
Если какой-нибудь демон (божество) осквернит свои члены
кровью [убийством] по прегрешению,
<И> следуя <Ненависти>, поклянется преступной клятвой, –
Из тех, кому досталась в удел долговечная жизнь –
Тридцать тысяч лет скитаться ему вдали от блаженных,
Рождаясь с течением времени во всевозможных обличьях
смертных [существ],
Сменяя мучительные пути жизни.
Мощь Эфира гонит его в Море,
Море выплевывает на почву Земли, Земля – к лучам
Сияющего Солнца, а Солнце ввергает в вихри Эфира.
Один принимает от другого, но все ненавидят.

⁴⁵ Там же, с. 408.

⁴⁶ Там же, с. 404.

По этому пути и я иду ныне, изгнанник от богов и скиталец,
Повинуясь бешеной Ненависти...⁴⁷

В чем состоял его грех, мы не знаем; может быть, там не было ничего, что мы могли бы считать очень тяжелым. Ибо он говорит:

Горе мне, что неумолимый день не сгубил меня раньше,
Чем я избрал своими губами гнусные дела [мясо] едения!
От листьев лавра – совершенно воздерживаться!
Несчастные, трижды несчастные! Не прикасайтесь к бобам!⁴⁸

Таким образом, он, вероятно, не совершал ничего худшего, за исключением того, что жевал листья лавра или с жадностью ел бобы.

Самый знаменитый отрывок у Платона, где он сравнивает этот мир с пещерой, в которой мы видим только тени реальных предметов, находящихся в светлом мире наверху, был предвосхищен Эмпедоклом. Происхождение этого сравнения надо искать в учении орфиков.

Лишь немногие – по-видимому, те, которые воздерживаются от греха на протяжении многих перевоплощений, – достигают, наконец, вечного блаженства в обществе богов:

А под конец они⁴⁹ становятся прорицателями, песнопевцами,
врачами,
И вождями у живущих на земле человеков,
Откуда вырастают в богов, всех превосходящих почестями.
Живущие у одного очага и сотрапезники других бессмертных,
Свободные от человеческих страданий, несокрушимые⁵⁰.

Во всем этом, по-видимому, очень мало того, чего не содержалось бы уже в учениях орфизма и пифагореизма.

Оригинальность Эмпедокла, исключая науку, состоит в его учении о четырех элементах и в применении принципов Любви и Вражды для объяснения изменения.

Он отверг монизм и рассматривал ход вещей как регулируемый скорее случайностью и необходимостью, чем целью. В этом отношении его философия была более научной, чем философия Парменида, Платона и Аристотеля. В других отношениях он, правда, молча соглашался с ходячими предрассудками; но и в этом он был не хуже многих более поздних представителей науки.

Глава VII. Афины в отношении к культуре

Величие Афин начинается в период между двумя персидскими войнами (490 и 480–479 годы до н. э.). До этого великих людей порождала Иония и Великая Греция (греческие города

⁴⁷ Фрагменты ранних греческих философов, с. 406.

⁴⁸ Там же, с. 411.

⁴⁹ Не ясно, кто это «они»; можно лишь предположить, что это те, которые сохранили чистоту.

⁵⁰ Фрагменты ранних греческих философов, с. 412.

Южной Италии и Сицилии). Победы Афин над персидским царем Дарием при Марафоне (490 год до н. э.) и соединенного греческого флота под афинским руководством над его сыном и преемником Ксерксом (480 год до н. э.) создали им громадный престиж. На островах и на части побережья Малой Азии против персов восстали ионийцы, и после того как персы были изгнаны с греческого материка, они были освобождены Афинами. Спартанцы, которые заботились только о своей собственной территории, не принимали в этом участия. Афины, таким образом, стали господствующим членом в союзе против персов. На основе устава союза всякое государство-участник было обязано или поставлять определенное количество кораблей, или возмещать их стоимость. Большинство избрало последнее, так что Афины приобрели морское превосходство над союзниками и постепенно превратили союз в афинскую империю. Афины стали богатым городом, преуспевающим под мудрым руководством Перикла, который управлял на основе свободных выборов в течение почти 30 лет, до своего падения в 430 году до н. э.

Век Перикла был самым счастливым и самым славным временем в истории Афин. Эсхил, который участвовал в персидских войнах, был зачинателем греческой трагедии. Одна из его трагедий – «Персы», в которой он, порвав с обычаем брать гомеровские сюжеты, повествует о поражении Дария. За ним вскоре последовал Софокл, а за Софоклом – Еврипид, который, однако, застал мрачные дни Пелопоннесской войны, последовавшей за падением и смертью Перикла. Он отразил в своих пьесах скептицизм более позднего периода. Его современник, поэт Аристофан, писавший комедии, высмеивает всякие «измы» с точки зрения дюжего и ограниченного здравого смысла, в частности, он подвергает поношению Сократа как человека, который отрицает существование Зевса и пробавляется бесовскими и псевдонаучными мистерирами.

Афины были захвачены Ксерксом, а храмы на Акрополе уничтожены пожаром. Перикл посвятил свою деятельность их реконструкции. Им были построены Парфенон и другие храмы, руины которых сохранились и ныне поражают наше воображение. Скульптор Фидий был нанят государством, чтобы создать колоссальные статуи богов и богинь. В конце этого периода Афины стали самым прекрасным и великолепным городом эллинского мира.

Геродот – отец истории, происходивший из Галикарнасса в Малой Азии, но живший в Афинах, – получил поддержку со стороны афинского государства и дал описание персидских войн с афинской точки зрения.

Достижения Афин в эпоху Перикла, быть может, самая удивительная вещь во всей истории. До этого времени Афины отставали от многих других греческих городов. Ни в искусстве, ни в литературе они не дали ни одного великого человека (исключая Солона, который был главным образом законодателем). И вдруг под влиянием победы и богатства, а также из-за необходимости реконструкции архитекторы, скульпторы и драматурги, оставаясь до сих пор непревзойденными, создали произведения, которые определили будущее [развитие этих искусств] вплоть до наших дней. Это станет еще более удивительным, когда мы примем во внимание немногочисленность участвующего в этом деле населения. Около 430 года до н. э. Афины имели максимальное население, которое исчислялось, как оценивают, примерно в 230 тысяч человек (включая рабов); население окружающей Афины сельской Аттики, вероятно, несколько уступало в численности населению города. Никогда, ни до, ни после афинян, ни одно государство, приближающееся к афинскому по количеству населения, не говоря уже о занимаемой им площади, не было в состоянии создать произведения искусства столь высокого совершенства.

В философии Афины дали только двух великих людей: Сократа и Платона. Платон принадлежит к несколько более позднему периоду, но молодость и ранние годы зрелости Сократа приходятся на эпоху правления Перикла. Афиняне в достаточной мере интересовались философией, чтобы с жадностью слушать учителей из других городов. На софистов был большой спрос со стороны молодых людей, желавших учиться искусству ведения спора. В «Протагоре»

платоновский Сократ дает замечательные сатирические описания пылких учеников, ловящих на лету слова знаменитого гостя. Перикл, как мы увидим далее, призвал в Афины Анаксагора, от которого Сократ, как он сам признает, усвоил идею о первенстве духа в творении.

Большинство платоновских диалогов, по замыслу их создателя, относится ко времени Перикла и рисует привлекательную картину жизни богатых. Платон принадлежал к аристократической афинской семье, он был воспитан в традициях того периода, который предшествовал времени, когда война и демократия разрушили богатство и безопасность высших классов. Описываемые им молодые люди, перед которыми не стояла необходимость работать, большую часть своего досуга проводили в занятиях наукой, математикой и философией; они почти наизусть знали Гомера и были критическими ценителями достоинств профессиональных декламаторов в поэзии. Позднее было открыто искусство дедуктивного рассуждения, которое во всех областях знания способствовало появлению новых теорий, как истинных, так и ложных. В тот век можно было, как в немногие другие века, быть как счастливым, так и разумным, а также счастливым благодаря разумности.

Но равновесие сил, породившее этот Золотой век, было непрочным. Угрозы ему исходили как изнутри, так и извне: изнутри – со стороны демократии, извне – со стороны Спарты. Чтобы понять, что произошло после Перикла, мы должны коротко рассмотреть раннюю историю Аттики.

Аттика в начале исторического периода была маленьким самостоятельным земледельческим районом. Ее столица, Афины, была небольшим городом, но в составе его населения постоянно увеличивался слой ремесленников и искусных мастеров, которые стремились сбывать свою продукцию за границей. Постепенно обнаружилось, что более доходно производить вино и оливки, чем зерно, а зерно ввозить, главным образом, с побережья Черного моря. Этот род занятий требовал больше средств, чем хлебопашество, и мелкие фермеры залезли в долги. В гомеровский период Аттика, как и другие города-государства Греции, имела монархический образ правления, но монарх стал просто религиозным деятелем без политической власти. Власть перешла в руки аристократии, подавлявшей как сельских земледельцев, так и городских ремесленников. В начале VI столетия Солоном было осуществлено компромиссное преобразование в интересах демократии; и большинство его мероприятий пережило последовавшую затем эпоху тирании Писистрата и его сыновей. К концу этого периода аристократы как противники тирании начали выступать за демократию. До падения Перикла демократические движения приводили к власти аристократию, как это было позже в Англии XIX века. Но под конец жизни Перикла вожди афинской демократии начали требовать большего участия в политической власти. В то же время его империалистическая политика, с которой было связано экономическое процветание Афин, вызвала усиливающиеся трения со Спартой, приведшие в конце концов к Пелопоннесской войне (431–404 года до н. э.), в которой Афины потерпели полное поражение.

Несмотря на политическое крушение, престиж Афин продолжал сохраняться, и на протяжении почти целого тысячелетия центр философии находился там. Александрия превзошла Афины в математике и в науке, но Аристотель и Платон принесли Афинам первенство в философии. Академия, где учил Платон, пережила все остальные школы; она продолжала существовать в качестве острова язычества в течение двух столетий после того, как Римская империя обратилась в христианство. Наконец, в 529 году н. э. она была закрыта религиозным фанатиком Юстинианом, и в Европе наступили века мрака.

Глава VIII. Анаксагор

Философ Анаксагор, хотя его и нельзя поставить рядом с Пифагором, Гераклитом или Парменидом, тем не менее являлся значительной исторической фигурой. Он был ионийцем

и явился продолжателем научной рационалистической традиции Ионии. Он был первым, кто познакомил афинян с философией и первым высказал мысль, что первопричиной физических изменений является ум.

Анаксагор родился в Ионии в Клазоменах около 500 года до н. э., но около 30 лет прожил в Афинах (приблизительно с 462 по 432 год до н. э.). Его, вероятно, пригласил Перикл, который стремился цивилизовать своих сограждан. Быть может, Аспасия, происходившая из Милета, представила Анаксагора Периклу. Платон в своем диалоге «Федр» говорит:

«Сблизившись с Анаксагором, человеком, по-моему, как раз такого склада, Перикл преисполнился познания возвышенного и постиг природу ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь; отсюда Перикл извлек пользу и для искусства красноречия»⁵¹.

Говорят, что Анаксагор оказал влияние на Еврипида, но это весьма спорно.

Граждане Афин, как и граждане других городов во все времена и на всех континентах, относились с определенной враждебностью к тем, кто пытался привить более высокий уровень культуры, нежели тот, который был им привычен. Когда Перикл стал стареть, его противники подняли против него кампанию, нападая на его друзей. Они обвинили Фидию в том, что он присвоил некоторое количество золота, которое было выделено ему на статуи. Они провели закон, позволявший привлекать к суду тех, кто не исповедовал религию и проповедовал различные теории о том, «что наверху». На основании этого закона они стали преследовать Анаксагора и обвинили его в том, что он учил, что Солнце – раскаленный камень, а Луна подобна Земле. (Такое же обвинение было повторено по отношению к Сократу его преследователями, которых он высмеивал за их старомодность.) Не ясно, что произошло, известно только, что Анаксагор должен был оставить Афины. Представляется возможным, что Перикл освободил Анаксагора из тюрьмы и создал ему возможность бежать. Анаксагор возвратился в Ионию и там основал школу. В соответствии с завещанием Анаксагора годовщину его смерти отмечали в этой школе днем отдыха.

Анаксагор утверждал, что все является бесконечно делимым и что даже малейшая частица материи содержит кое-что от каждого элемента. Вещи представляют собой то, чего в них содержится больше всего. Так, например, все содержит немного огня, но мы называем огнем лишь то, в чем преобладает этот элемент. Как и Эмпедокл, Анаксагор выступал против допущения пустоты; он говорил, что клепсидра, или надутая шкура, свидетельствует, что там, где, по-видимому, ничего нет, находится воздух.

Он отличается от своих предшественников тем, что рассматривает ум («нус») как субстанцию, которая входит в состав живых существ и отличает их от мертвой материи. Во всем, говорил он, есть часть всего, кроме ума, а некоторые вещи содержат также и ум. Ум имеет власть над всеми вещами, обладающими жизнью; он бесконечен и управляет сам собой, он смешан с небытием. За исключением ума, все, как бы оно ни было мало, содержит части всех противоположностей, таких как горячее и холодное, белое и черное. Он утверждал, что снег черен (частично).

Ум – источник всякого движения. Он вызывает вращение, которое постепенно распространяется по всему миру и приводит к тому, что легчайшее идет к периферии, а тяжелейшее падает в центр. Ум единообразен: в животном он так же хорош, как и в человеке. Видимое превосходство человека обусловлено наличием у него рук; все кажущиеся различия интеллекта в действительности связаны с телесными различиями.

И Аристотель, и платоновский Сократ выражают сожаление, что Анаксагор, введя ум, мало его использует. Аристотель указывает, что Анаксагор вводит ум как причину только тогда, когда он не знает другой причины. Везде, где возможно, Анаксагор дает механическое объяснение. Он отверг необходимость и случайность как причину происхождения вещей. Тем

⁵¹ Платон. Сочинения. Т. 2, с. 210.

не менее в его космологии нет «провидения». По-видимому, он не уделял большого внимания этике или религии; вероятно, он был атеистом, как утверждали его преследователи. На него оказали влияние все его предшественники, исключая Пифагора. Парменид оказал на него такое же влияние, как и на Эмпедокла.

Анаксагор имел большие заслуги перед наукой. Он первый объяснил, что Луна светит отраженным светом, хотя у Парменида имеется зачаточный фрагмент, который позволяет предполагать, что последний также знал это. Анаксагор дал правильную теорию затмений и считал, что Луна находится ниже Солнца. Солнце и звезды, говорил он, – горящие камни, но мы не чувствуем жара звезд, потому что они слишком далеко от нас. Солнце больше Пелопоннеса. На Луне есть горы, и она (как он думал) населена.

Говорят, что Анаксагор был из школы Анаксимена; несомненно, что он сохранял живую рационалистическую и научную традицию ионийцев. У него не найдешь преобладания этики и религии, которое от пифагорейцев до Сократа и от Сократа до Платона вносило обскурантистский уклон в греческую философию. Анаксагор не находился в первых рядах, но значение его состоит в том, что он принес в Афины философию и был одним из тех, чье влияние способствовало формированию взглядов Сократа.

Глава IX. Атомисты

Атомизм основали два человека – Левкипп и Демокрит. Их трудно разделить, потому что они обыкновенно упоминаются совместно и, вероятно, некоторые из работ Левкиппа были впоследствии приписаны Демокриту.

Левкипп, расцвет деятельности которого, по-видимому, приходился примерно на 440 год до н. э.⁵², происходил из Милета и был продолжателем научной рационалистической философии, связанной с этим городом. Он находился под большим влиянием Парменида и Зенона. О нем так мало известно, что Эпикур (более поздний последователь Демокрита) додумался до того, что вообще отрицал существование Левкиппа, а некоторые современные ученые возродили эту теорию. Имеется, однако, некоторое количество ссылок на него у Аристотеля, и кажется неправдоподобным, что эти ссылки (которые включают текстуальные цитаты) имели бы место, если бы Левкипп был просто мифической личностью.

Демокрит гораздо более определенная фигура. Он был уроженцем Абдер во Фракии; что касается времени его жизни, то он сообщает, что в годы его молодости Анаксагор был уже стариком, а это относится приблизительно к 432 году до н. э. Расцвет деятельности Демокрита датируют ориентировочно 420 годом до н. э. В поисках знания Демокрит совершал далекие поездки в южные и восточные страны; возможно, что он провел значительное время в Египте и, несомненно, посетил Персию. Затем он возвратился в Абдеры, где и остался. Целлер считает, что Демокрит «превосходил всех философов – своих предшественников и современников – богатством знаний, а большинство из них – остротой и логической правильностью мышления».

Демокрит был современником Сократа и софистов, и, если исходить из чисто хронологических соображений, его следовало бы рассматривать несколько позже в нашей истории философии. Но дело осложняется тем, что довольно трудно провести различие между Демокритом и Левкиппом. На этом основании я рассматриваю его раньше Сократа и софистов, несмотря на то что его философия частично была предназначена служить ответом его земляку Протагору, наиболее знаменитому софисту. Протагора, когда он посещал Афины, принимали с энтузиазмом, о себе же Демокрит говорит: «Ведь я... пришел в Афины, и никто меня не узнал». В

⁵² Сирил Бейли (Cyril Bailey. The Greek Atomists and Epicurus) определяет, что расцвет деятельности Левкиппа относится примерно к 430 году до н. э. или немного более раннему времени.

течение долгого времени его философию игнорировали в Афинах. «Не ясно, – говорит Барнет, – знал ли Платон что-либо о Демокрите... Аристотель, с другой стороны, знает Демокрита хорошо, ибо он также был ионийцем с Севера»⁵³. Платон никогда не упоминает в своих диалогах Демокрита, но, как говорит Диоген Лаэртский, Платон ненавидел Демокрита настолько, что хотел, чтобы были сожжены все его книги. Хис дает высокую оценку Демокриту как математику⁵⁴.

Основные идеи общей Левкиппу и Демокриту философии обязаны своим происхождением первому из них, что же касается их разработки, то едва ли возможно провести различие между Левкиппом и Демокритом. Кроме того, для наших целей вряд ли есть смысл пытаться сделать это. Левкиппа, если не Демокрита, привела к атомизму попытка занять промежуточную позицию между монизмом Парменида и плюрализмом Эмпедокла. Точка зрения Левкиппа и Демокрита была удивительно похожа на точку зрения современной науки и лишена большинства тех недостатков, к которым была склонна греческая спекулятивная мысль. Они полагали, что все состоит из атомов, неделимых физически, но не геометрически; что между атомами имеется пустое пространство; что атомы неразрушимы; что они всегда находились и будут находиться в движении; что существует бесконечное количество как самих атомов, так даже и их разновидностей, отличающихся друг от друга формой и размером. Аристотель⁵⁵ утверждает, что, согласно атомистам, атомы отличаются друг от друга также теплотой. Сферические атомы, из которых состоит огонь, самые горячие. Что касается веса, то Аристотель цитирует Демокрита, который говорит, что «каждое из неделимых [телец] бывает более тяжелым вследствие большего размера». Но вопрос о том, были ли атомы в теориях атомистов с самого начала наделены весом, остается спорным.

Атомы всегда находятся в движении, но среди комментаторов имеют место разногласия относительно характера первоначального движения атомов. Некоторые, особенно Целлер, утверждают, что атомы мыслились вечно падающими, причем более тяжелые атомы падали быстрее легких; они, таким образом, догоняли более легкие атомы и сталкивались с ними, в результате атомы отклонялись от своего пути, как бильярдные шары. Этому взгляда, несомненно, придерживался Эпикур, который во многих отношениях основывался в своих теориях на взгляды Демокрита, пытаясь в то же время, довольно неумно, учитывать критику Аристотеля. Но имеются значительные основания полагать, что Левкипп и Демокрит не рассматривали вес как первоначальное свойство атомов. Кажется более вероятным, что, согласно их взгляду, атомы первоначально двигались беспорядочно, как в современной кинетической теории газов. Демокрит говорил, что в бесконечной пустоте нет ни верха, ни низа, и сравнивал движение атомов в душе с движением пылинок в солнечном луче, когда нет ветра. Это значительно более разумный взгляд, чем взгляд Эпикура, и я думаю, что мы можем его принять как несомненно свойственный Левкиппу и Демокриту⁵⁶.

В результате столкновения скопления атомов образуют вихри. Остальное происходит в основном так, как у Анаксагора. Шаг вперед состоял в том, что вихри объяснялись скорее механическими причинами, чем действием ума.

Общепринятым в античности был упрек атомистам в приписывании всему случайности. Наоборот, они были строгими детерминистами. Они полагали, что все происходит в соответствии с естественными законами. Демокрит прямо отрицал, будто что-либо может происходить случайно⁵⁷. Левкипп, хотя его существование и ставят под вопрос, известен одним своим

⁵³ J. Burnet. From Thales to Plato, p. 193.

⁵⁴ T. Heath. Greek Mathematics. Vol. 1, p. 176.

⁵⁵ Аристотель. О возникновении и уничтожении//Сочинения. М., 1981. Т. 3, с. 410. 326а.

⁵⁶ Это истолкование принято Барнетом, а также, по крайней мере применительно к Левкиппу, Бейли (op.cit., p. 83).

⁵⁷ См.: C. Bailey. Op.cit., p. 121 (о детерминизме Демокрита).

высказыванием, а именно: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости». Верно, что он не объяснил, почему мир должен был первоначально быть таким, как он есть, возможно, это следовало бы приписать случайности. Но раз мир существует, то его дальнейшее развитие неизменно определяется механическими принципами. Аристотель и другие упрекали Левкиппа и Демокрита за то, что они не дают объяснения причины первоначального движения атомов, но в этом отношении атомисты были более научны, чем их критики. Причинность должна с чего-то начинаться, и, где бы она ни начиналась, нельзя указать причины первоначального данного. Причину существования мира можно приписать Творцу, но тогда Творец сам окажется необусловленным. Теория атомистов фактически ближе к современной науке, чем любая другая теория, выдвинутая в древности.

В отличие от Сократа, Платона и Аристотеля атомисты пытались объяснить мир, не прибегая к понятию *цели* или *конечной причины*. «Конечная причина» того или иного процесса – это событие в будущем, ради которого протекает процесс. В делах человеческих это понятие вполне применимо. Почему булочник печет хлеб? Потому, что в противном случае народ будет голоден. Почему строятся железные дороги? Потому, что люди пожелают путешествовать. В таких случаях вещи объясняются целями, которым они служат. Когда мы спрашиваем, «почему» происходит то или иное событие, мы можем иметь в виду одно из двух. Мы можем подразумевать, «какой цели служит это событие?» или мы можем иметь в виду, «какие более ранние обстоятельства послужили причиной этого события?». Ответ на первый вопрос – это телеологическое объяснение, или объяснение через посредство конечной причины; ответ на последний вопрос – механистическое объяснение. Я не знаю, как могло быть заранее известно, какой из этих двух вопросов должна ставить наука или она должна ставить сразу же оба вопроса. Но опыт показал, что механистический вопрос ведет к научному знанию, в то время как телеологический не ведет. Атомисты поставили механистический вопрос и дали механистический ответ. Их последователи вплоть до Возрождения больше интересовались телеологическим вопросом и, таким образом, завели науку в тупик.

Относительно обоих вопросов в равной мере существуют пределы, которые часто игнорируются и в житейском мышлении и в философии. Нельзя поставить разумно никакого вопроса относительно реальности в целом (включая Бога), но только о частях ее. Что касается телеологического объяснения, то, следуя ему, мы обычно приходим к Творцу или по крайней мере к Создателю (Artificer), цели которого реализуются в ходе развития природы. Но если человек настолько упрям в своем телеологизме, что, продолжая спрашивать, поставит вопрос о том, какой цели служит сам Творец, то станет очевидным, что его вопрос нечестивый. Кроме того, он бессмыслен, так как, чтобы придать ему смысл, мы должны предположить, что сам Творец был создан неким Сверхтворцом, целям которого он служит. Понятие цели, следовательно, приложимо только к явлениям внутри реальности, но не к реальности как целому.

Та же самая аргументация применима и к механистическим объяснениям. Одно событие вызывается другим, другое – третьим и так далее. Но если мы спросим о причине целого, то опять придем к творцу, который сам не должен иметь причины. Всякое причинное объяснение должно, следовательно, иметь лишенное причины произвольное начало. Вот почему нельзя считать недостатком в теории атомистов то, что они оставляли первоначальное движение атомов необъясненным (unaccounted for).

Не следует думать, что атомисты исходили в своих теориях *исключительно* из эмпирических оснований. Атомистическая теория возродилась в Новое время, чтобы объяснить факты химии; но эти факты не были известны грекам. В древности не проводилось четкого различия между эмпирическим наблюдением и логическим доказательством. Верно, что Парменид с презрением относился к наблюдаемым фактам, но Эмпедокл и Анаксагор многое из своей метафизики связывали с наблюдениями над водяными часами и вращающимися ведрами. До

софистов, по-видимому, ни один философ не сомневался, что законченная метафизика и космология могли быть созданы благодаря сочетанию большого количества рассуждений с некоторым количеством наблюдений. По счастливой случайности атомисты попали на гипотезу, для которой более чем через две тысячи лет были найдены некоторые основания, но в то время их учение было тем не менее лишено всякого твердого основания⁵⁸.

Как и многие философы того времени, Левкипп старался найти способ примирения парменидовских доводов с очевидным фактом движения и изменения. Аристотель говорит:

«Вот так и по таким причинам высказывались об истине. В рассуждениях это, по-видимому, выходит складно, однако на деле подобные взгляды близки к безумию. Ведь нет человека столь безумного, чтобы считать, что огонь и лед – это одно; лишь между прекрасными [вещами] и теми, что в силу привычки кажутся [такowymi], некоторые в своем безумии не видят никакого различия.

Левкипп же полагал, что у него есть доводы, которые согласуются с чувственным восприятием и не отрицают ни возникновения, ни уничтожения, ни движения, ни множественности существующего. В этом он согласился с [данными] явлений, а с теми, кто создал [учение] о едином, он пришел в согласие, говоря, что движение не может быть без пустоты, что пустота есть небытие и что ничто из существующего не есть небытие. Ведь подлинно сущее есть совершенно полное бытие. Но оно не едино, а [есть бесконечное] множество [частиц], невидимых из-за малости своих размеров. Они носятся в пустоте (ибо пустота существует) и, когда соединяются, вызывают возникновение, а когда разделяются – уничтожение. Они действуют и испытывают воздействие в той мере, в какой им случается соприкасаться друг с другом, потому что тогда они [уже] не единое. Их соединение и переплетение ведут к возникновению [вещей], а из подлинно единого не могло бы возникнуть множество, равно и из подлинно многих – единое. Это невозможно»⁵⁹.

Мы увидим, что был один пункт, относительно которого до сих пор соглашались все, а именно, что невозможно движение при отсутствии пустоты. В этом все одинаково ошибались. *Круговое* движение в заполненном пространстве возможно при том условии, что оно существовало всегда. Идея состояла в том, что вещь может двигаться только в пустом пространстве, а в заполненном пространстве нет пустых мест. Могут возразить, и, вероятно, это будет основательно, что движение никогда не может *возникнуть* в заполненном пространстве, но нельзя обоснованно утверждать, что оно там вовсе не может происходить. Грекам же, однако, казалось, что волей-неволей следует или признать неизменный мир Парменида, или допустить пустоту.

Аргументы Парменида против небытия, по-видимому, логически неопровержимы применительно к пустоте, и они были подкреплены открытием, что там, где, очевидно, ничего нет, содержится воздух. (Это пример распространенного беспорядочного смешения логики и наблюдения.) Парменидовскую позицию мы можем изложить следующим образом: «Вы говорите, что пустота *есть*; следовательно, пустота – не ничто; следовательно, она – не пустота». Нельзя сказать, чтобы атомисты *ответили* на этот довод; они просто провозгласили, что предпочитают игнорировать этот довод на том основании, что движение есть факт восприятия. *Должна*, следовательно, быть пустота, как бы ни было трудно представить себе это⁶⁰.

⁵⁸ О логических и математических основаниях теорий атомистов см. *G. Milhaud. Les Philosophes Géomètres de la Grece*, ch. IV.

⁵⁹ *Аристотель. О возникновении и уничтожении*, с. 408.

⁶⁰ Напротив, С. Бейли (op. cit., p. 75) утверждает, что у Левкиппа имелся «весьма тонкий» ответ. Он заключался, по существу, в признании существования чего-то [пустоты], что не было телесным. Аналогично этому Барнет говорит: «Любопытно, что атомисты, которых обычно считают великими материалистами древности, были фактически первыми, кто отчетливо сказал, что вещь может быть реальной, не будучи телом».

Рассмотрим дальнейшую историю этого вопроса. Первым и наиболее очевидным способом устранения логических трудностей было различие между *материей* и *пространством*. Согласно такому взгляду, пространство – не ничто, номестилище, которое может быть, а может и не быть в какой-либо данной части заполнено материей. Аристотель говорит («Физика», 208а): «Утверждающие существование пустоты называют ее местом; в этом смысле пустота была бы местом, лишенным тела». Эта точка зрения с предельной ясностью выражена Ньютоном, утверждавшим существование абсолютного пространства и соответственно отличающим движение абсолютное от движения относительного. В коперниковском споре обе стороны (как бы мало они ни понимали это) придерживались этой точки зрения, поскольку они думали, что есть разница между положением «небеса вращаются с востока на запад» и положением «земля вращается с запада на восток». Если всякое движение относительно, то эти два утверждения – только разные способы высказывания одной и той же вещи, подобные положениям: «Джон – отец Джемса» и «Джемс – сын Джона». Но если всякое движение относительно и пространство не субстанционально, то против пустоты в нашем распоряжении остаются лишь парменидовские аргументы.

Декарт, доводы которого точно совпадают с положениями ранних греческих философов, сказал, что протяженность является сущностью материи, а следовательно, материя имеется повсюду. У него протяженность – прилагательное, а не существительное, ее существительное – материя, и без своего существительного протяженность не может существовать. Для него пустое пространство так же абсурдно, как счастье без чувствующего существа, которое счастливо. Лейбниц, исходя из несколько других оснований, также полагал, что существует лишь заполненное пространство, но он утверждал, что пространство – только система отношений. По этому вопросу состоялся знаменитый спор между Лейбницем и Ньютоном; последний был представлен Кларком. Спор оставался неразрешенным вплоть до Эйнштейна, теория которого принесла окончательную победу Лейбницу.

В то время как современный физик верит, что материя является в некотором смысле атомистичной, он уже не верит в пустое пространство. Где нет материи, там все-таки *что-то есть*, хотя бы световые волны. Материя более не обладает тем высоким положением, которое она приобрела в философии благодаря аргументам Парменида. Она не является более неизменной субстанцией, но просто способом группировки событий. Некоторые события принадлежат к группам, которые могут рассматриваться как материальные вещи, другие, как, например, световые волны, к этим группам не принадлежат. *Веществом* (stuff) мира являются события, и каждое из них характеризуется недолговечностью. В этом отношении современные физики находятся на стороне Гераклита, против Парменида. Но они находились на стороне Парменида до тех пор, пока на арене не появились Эйнштейн и квантовая теория.

Что касается пространства, то современный взгляд на него состоит в том, что оно не представляет собой субстанцию, как это утверждал Ньютон и как должны были утверждать Левкипп и Демокрит; пространство не является также прилагательным протяженных тел, как думал Декарт, но представляет собой систему отношений, как утверждал Лейбниц. Как бы то ни было, но все же не ясно, совместим ли этот взгляд с существованием пустоты. Возможно, что абстрактно логически его можно примирить с пустотой. Мы могли бы сказать, что между любыми двумя вещами имеется определенный больший или меньший *промежуток*, а этот промежуток не означает существования промежуточных тел. Однако такую точку зрения было бы невозможно использовать в современной физике. Начиная с Эйнштейна, промежуток стал расстоянием между *событиями*, а не между *вещами*, и он носит характер столь же временной, как и пространственный. Это, по существу, причинная концепция, а в современной физике не существует действия на расстоянии. Все это, однако, имеет под собой скорее эмпирические, чем логические основания. Кроме того, современный взгляд не может быть выражен иначе,

чем в терминах дифференциальных уравнений, а следовательно, не мог бы быть понятен философам древности.

Соответственно представляется, что свое логическое развитие взгляды атомистов нашли в ньютоновской теории абсолютного пространства, которая тоже сталкивается с трудностью приписывания реальности небытию. Против этой теории нет *логических* возражений. Главное возражение состоит в том, что абсолютное пространство абсолютно непознаваемо и, следовательно, не может выступать в качестве необходимой гипотезы в эмпирической науке. Более практическое возражение состоит в том, что физика может обойтись без абсолютного пространства. Но мир атомистов остается логически возможным, и он более близок к действительному миру, чем мир любого другого из философов древности.

Демокрит весьма детально разработал свои теории, и некоторые из его разработок интересны. Каждый атом, говорил Демокрит, непроницаем и неделим, потому что он не содержит пустоты. Когда вы применяете нож, чтобы разрезать яблоко, он должен находить пустые места, через которые может в него проникнуть; если бы яблоко не содержало пустоты, оно было бы абсолютно твердым и поэтому физически неделимым. Каждый атом внутренне неизменен и представляет собой фактически парменидовское единое. Единственное, что делают атомы, это движутся и сталкиваются друг с другом. Иногда они образуют соединения, когда им случается иметь такие формы, которые способны сцепляться. Существуют всевозможные виды форм. Из маленьких сферических атомов состоит огонь, а также душа. Сталкиваясь, атомы образуют вихри, которые порождают тела, а в конце концов – миры⁶¹.

Существует множество миров, некоторые из них растут, другие приходят в упадок, некоторые, может быть, не имеют ни солнца, ни луны, другие же имеют по несколько солнц и лун. Каждый мир имеет начало и конец. Мир может быть разрушен в столкновении с большим миром. Эта космология может быть суммирована словами Шелли:

Миры за мирами катятся вечно,
От сотворения до гибели,
Подобно пузырькам на поверхности реки,
Они сверкают, лопаются и исчезают.

Жизнь возникла из первобытной слизи. В живом теле повсюду имеется некоторое количество огня, но больше всего его в мозгу или в груди. (По этому вопросу авторитеты расходятся.) Мысль представляет собой своего рода движение, а потому способна повсюду вызывать движение. Восприятие и мышление – физические процессы. Восприятие бывает двух родов: одно – чувственное, другое – рассудочное. Восприятия последнего рода зависят только от воспринимаемых вещей, в то время как восприятия первого рода зависят также от наших чувств, а следовательно, способны вводить в заблуждение. Подобно Локку, Демокрит утверждал, что такие качества, как теплота, вкус, цвет, не присущи реально объектам, но обязаны своим существованием нашим органам чувств, тогда как такие качества, как тяжесть, плотность и твердость, реально присущи самим объектам.

Демокрит был решительным материалистом, для него, как мы видели, душа состоит из атомов, а мышление является физическим процессом. Вселенная не имеет целей, там только атомы, управляемые механическими законами. Он не верил в распространенную тогда религию и выступал против *нуса* Анаксагора. В этике он считал целью жизни бодрость, а умеренность и образование – наилучшими средствами для ее достижения. Он осуждал все неистовое

⁶¹ О том, как это происходит по предположению атомистов, см. С. Bailey. Op. cit, p. 138 и далее.

и страстное; он не одобрял также сексуальной жизни, потому что, как он говорил, это вызывает преобладание удовольствия над сознанием. Он ценил дружбу, но плохо отзывался о женщинах. Он не хотел иметь детей, потому что заботы, связанные с их воспитанием, служат помехой философствованию. Во всем этом он был весьма похож на Иеремию Бентама; в равной степени он также любил то, что греки называли демократией⁶².

Демокрит – таково по крайней мере мое мнение – последний греческий философ, который был свободен от известного недостатка, нанесшего вред всей более поздней древней и всей средневековой мысли. Все философы, которых мы рассматривали до сих пор, были охвачены беспристрастным стремлением к познанию мира. Они представляли себе это более легким делом, чем оно было в действительности, но без такого оптимизма у них не хватило бы мужества положить начало этому делу.

Их взгляд на мир в основном был подлинно научным взглядом, всякий раз, когда он не являлся просто выражением предрассудков того времени. Но этот взгляд был *не только* научным, он был образным и выразительным и был полон наслаждения смелым предприятием. Они интересовались всем: метеорами и затмениями, рыбами и вихрями, религией и моралью; с проницательным интеллектом у них сочеталась детская любознательность.

Начиная с этого момента впервые появляются некоторые признаки упадка, несмотря на предыдущие, не имеющие себе равных достижения, а затем наступает постепенное разложение. В философии, даже в самой лучшей философии после Демокрита, плохо то, что в ней делается чрезмерный упор на человека в ущерб стремлению к познанию Вселенной. Сперва, вместе с софистами, приходит скептицизм, приводящий к изучению того, *как* мы познаем, вместо попытки приобрести новое знание. Затем, вместе с Сократом, центр тяжести переносится на этику; с Платоном начинается отрицание чувственного мира в пользу самого себя творящего мира чистой мысли; с Аристотелем – вера в цель как основное понятие науки. Несмотря на гениальность Платона и Аристотеля, их мысль имела пороки, оказавшиеся бесконечно вредными. После них начался упадок энергии и постепенное возрождение вульгарных предрассудков. Новое мировоззрение возникло отчасти в результате победы католической ортодоксии; но вплоть до Возрождения философия не могла обрести вновь той энергии и независимости, которые были свойственны предшественникам Сократа.

Глава X. Протагор

Во второй половине V века до н. э. великим досократическим системам, которые были рассмотрены нами выше, было противопоставлено скептическое движение. Наиболее значительной фигурой этого движения был Протагор – глава софистов. Слово «софист» не имело вначале отрицательного значения. По смыслу оно было равнозначно слову «преподаватель». Софистом был человек, который добывал средства к существованию, передавая молодым людям определенные знания, которые, как тогда думали, могли быть им полезны в практической жизни. Так как общество не обеспечивало подобного образования за общественный счет, то софисты учили только тех, кто имел собственные средства или у кого родители располагали такими средствами. Это обстоятельство придавало деятельности софистов определенный классовый уклон, усугубляемый политической обстановкой того времени. В Афинах и во многих городах Греции демократия торжествовала политическую победу, но ничего не было принято для уменьшения богатства членов старых аристократических семей. Именно богатые главным образом и воплощали в себе то, что известно нам как эллинская культура; они имели

⁶² «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства», – говорит Демокрит.

в своем распоряжении образование и досуг; путешествия же в значительной мере сгладили их традиционные предрассудки, а время, которое они проводили в спорах, отточило их ум.

То, что тогда называлось демократией, оставляло институт рабства неприкосновенным. Рабство давало богатым возможность наслаждаться своим богатством, не угнетая свободных граждан.

Однако во многих городах, и особенно в Афинах, более бедные граждане были настроены по отношению к богатым вдвойне враждебно – вследствие зависимости и благодаря традиции. Богатых подозревали, и часто справедливо, в неблагочестии и аморальности, в том, что они разрушали древние верования и, вероятно, пытались уничтожить и демократию. Таким образом, случилось, что в сфере культуры политическая демократия оказалась связанной консерватизмом, в то время как те, кто осуществлял нововведения в области культуры, тяготели к политической реакции.

Такое же в известной мере положение сложилось в современной Америке, где «Таманни холл» представляет в основном католическую организацию, созданную для защиты традиционных теологических и этических догм от притязаний со стороны просвещения. Но просвещенные в Америке являются более слабыми в политическом отношении, чем в Афинах, так как им не удалось объединиться с плутократией. Однако в Америке существует один значительный и высокоинтеллектуальный класс, который заинтересован в защите плутократии, – класс юридической корпорации. В *некоторых* отношениях функции этого класса аналогичны функциям, которые выполняли в Афинах софисты.

Афинская демократия, несмотря на свою большую ограниченность, которая исключала рабов и женщин, в некоторых отношениях была более демократичной, чем любая современная система. Судьи и большинство представителей исполнительной власти избирались по жребию и на короткое время. Таким образом, подобно нашим присяжным, они оставались средними гражданами, с характерными для средних граждан предрассудками и отсутствием профессионализма. Вообще в Афинах каждое дело слушалось большим количеством судей. Истец и ответчик, или обвинитель и обвиняемый, выступали лично, от своего имени, а не через профессиональных юристов. Естественно, что успех или неудача дела зависели в значительной степени от ораторского искусства, умения играть на народных предрассудках. Но хотя человек должен был сам произносить свою речь, он мог нанять специалиста, чтобы тот написал для него речь, или, как предпочитали многие, он мог заплатить за наставления в хитростях, требующихся для достижения успеха в суде. Полагали, что этим хитростям учат софисты.

Век Перикла в истории Афин аналогичен викторианской эпохе в истории Англии. Афины были богатым и преуспевающим городом, которому не доставляли слишком большого беспокойства войны. В Афинах был демократический строй при управлении со стороны аристократов. Как мы уже видели в связи с Анаксагором, оппозиция Периклу со стороны демократии постепенно накапливала силы; друзья Перикла один за другим подвергались нападкам с ее стороны. Пелопоннесская война разразилась в 431 году до н. э.⁶³ Афины наряду со многими другими местностями Греции были опустошены чумой. Население Афин, достигавшее до этого 230 тысяч, сильно сократилось и никогда уже больше не поднималось до своего прежнего уровня⁶⁴. Сам Перикл в 430 году до н. э. был отстранен от должности полководца и за незаконное присвоение общественных денег оштрафован судом, но вскоре восстановлен. Его два сына умерли от чумы, а в следующем году (429 год до н. э.) он умер сам. Фидий и Анаксагор были осуждены. Аспасия также подвергалась судебному преследованию за нечестие и за содержание дома терпимости, но была оправдана.

⁶³ Она окончилась в 404 году до н. э. полным поражением Афин.

⁶⁴ См.: J. B. Bury. History of Greece. Vol. 1, p. 444.

В таком обществе было естественно, что люди, которым грозила опасность навлечь на себя враждебность демократических политиков, желали приобрести судебные навыки. Ибо Афины, несмотря на сильную приверженность к практике преследований, были все же в одном отношении более либеральны, чем современная Америка, поскольку тем, кого обвиняли в нечестии и развращении молодежи, давали возможность выступить в свою защиту.

Этим объясняется популярность софистов у одного класса и их непопулярность у другого. Но в своем собственном представлении софисты служили скорее более беспристрастным целям, и несомненно, что многие из них по-настоящему интересовались философией. Платон посвятил свою деятельность карикатурному их изображению и поношению, но о софистах не следует судить по этой полемике с ними Платона. Возьмите, находясь в веселом настроении, следующий отрывок из диалога Платона «Эвтидем» – отрывок, в котором рассказывается, как два софиста, Дионисиодор и Эвтидем, решили запутать простодушного человека по имени Ктисипп:

«Скажи-ка, есть ли у тебя собака?» – «И очень злая», – отвечал Ктисипп. – «А есть ли у нее щенята?» – «Да, тоже злые». – «И их отец, конечно, собака же?» – «Я даже видел, как он занимается с самкой». – «Что ж, ведь эта собака твоя?» – «Конечно». – «Значит, этот отец – твой, следовательно, твой отец – собака, и ты – брат щенят».

В более серьезном настроении возьмите диалог под названием «Софист». Он представляет собой логическое рассуждение по поводу определения. Слово «софист» берется здесь в качестве иллюстрации. В настоящее время нас не интересует логика этого рассуждения. В данный момент я хочу привести из этого диалога только его конечное заключение:

«Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящего призраки и с помощью речей выделяющего в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет полного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо»⁶⁵.

О Протагоре известен рассказ (несомненно, апокрифический), который свидетельствует о такой связи софистов с судами, какой она представлялась народному сознанию. Как говорят, Протагор учил молодого человека на условиях, при которых тот должен был заплатить ему за учебу в том случае, если выиграет свой первый процесс. Но оказалось, что первый судебный процесс этого молодого человека был возбужден самим Протагором для получения платы за учебу.

Однако пора оставить эти предварительные замечания и посмотреть, что же на самом деле известно о Протагоре.

Протагор родился около 500 года до н. э. в Абдерах – в городе, из которого был родом Демокрит. Он дважды посетил Афины, второй его визит имел место не позднее чем в 432 году до н. э. Он создал кодекс законов для города Фурии в 444–443 годах до н. э. Существует предание, что Протагор был подвергнут судебному преследованию за нечестие, но это, по-видимому, неверно, несмотря на тот факт, что он написал книгу «О богах», которая начиналась так: «О богах я не умею сказать, существуют ли они или нет и каковы они по виду. Ведь много препятствий для знаний – неясность дела и краткость человеческой жизни».

Его второе посещение Афин несколько сатирически описано в платоновском «Протагоре», а его учение разбирается серьезно в «Теэтете». Протагор известен главным образом своей доктриной, согласно которой «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих»⁶⁶. Эта доктрина истолковывается в том смысле, что *каждый* человек есть мера всех вещей и что когда люди разнятся между собой,

⁶⁵ Платон. Софист // Сочинения. Т. 2, с. 399.

⁶⁶ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 375.

то нет объективной истины, благодаря которой один прав, а другой не прав. Это, в сущности, скептическое учение, и оно, по-видимому, было основано на «обманчивости» чувств.

Один из трех основателей прагматизма, Фердинанд Шиллер, обычно называл себя учеником Протагора. Это случилось потому, как я думаю, что Платон в своем «Теэтете» утверждал, истолковывая Протагора, что одно мнение может быть *лучше*, чем другое, хотя оно не может быть *истиннее*. Например, когда человек болеет желтухой, то все кажется ему желтым. Поэтому нет смысла говорить, что вещи в действительности являются не желтыми, но имеют такой цвет, какой видит здоровый человек. Мы можем сказать, однако, что поскольку здоровье лучше болезни, то мнение здорового человека лучше мнения человека, больного желтухой. Эта точка зрения, очевидно, близка к прагматизму.

Для практических целей неверие в объективную истину делает большинство арбитром того, во что следует верить. Отсюда Протагор пришел к защите закона, обычая и традиционной морали. Хотя он не знал, как мы видели, существуют ли боги, он был уверен, что им следует поклоняться. Эта точка зрения, очевидно, справедлива по отношению к человеку, чей теоретический скептицизм последователен и логичен.

Зрелая жизнь Протагора была проведена в некоторого рода непрерывном лекторском турне по городам Греции. Он учил за вознаграждение «всякого, кто жаждал практического успеха и более высокой духовной культуры»⁶⁷. Платон протестовал против практики софистов получать деньги за обучение, отчасти с позиций сноба (по современным понятиям). Сам Платон обладал вполне достаточными средствами и поэтому был неспособен, по-видимому, понять нужды тех, кто не имел хорошего состояния. Странно, что современные профессора, которые не видят причины отказываться от жалованья, так часто повторяют платоновское обвинение против софистов.

Есть, однако, другой пункт, в котором софисты отличаются от большинства современных им философов. Обычно каждый учитель, за исключением софистов, основывал школу, которая обладала некоторыми признаками братства, с большей или меньшей степенью общности жизни (часто – нечто аналогичное монашеской жизни) и, как правило, с эзотерической доктриной, которую не проповедовал публике. Все это было естественно там, где философия возникла из орфизма. Среди софистов ничего подобного не было. То, чему они учили, в их представлении не было связано с религией или моралью. Они учили искусству спора и давали столько знаний, сколько было для этого необходимо. Вообще говоря, они могли, подобно современным адвокатам, показать, как защищать или оспаривать то или иное мнение, и не заботились о том, чтобы защищать свои собственные выводы. Те же, для кого философия была руководством в жизни, тесно связанным с религией, естественно, были шокированы, софисты им казались легкомысленными и безнравственными.

⁶⁷ E. Zeller. Grundriss der Geschichte der griechischer Philosophie. 1883, s. 1299.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.